

Анна Лапина

Малышка для одного

<https://litres.ru/74660292>

Аннотация

— Урод! — вопит моя уже бывшая невеста, пытаюсь дать мне пощёчину, но я перехватываю её руку, чем злю её еще сильнее. - Бесчувственный чурбан! Ты не умеешь любить! Чувствовать! Понимать! Ты вообще когда-нибудь любил? – отчаянно кричит. — Любил, — чеканю по слогам, не чувствуя и капли жалости к ней. — И что? Она бросила тебя? Не выдержала жизни с бездушным роботом? — пытается задеть поглубже. — Нет, — выхожу из себя. — Она жена моего брата. Но тебя это не касается. Проваливай.

Содержание

Глава 1. Тема	4
Глава 2. Тёма	22
Глава 3. Малышка	32
Глава 4. Тема	41
Глава 5. Малышка	63
Глава 6. Тёма	86
Глава 7. Тёма	100
Глава 8. Малышка	113
Глава 9. Малышка	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Глава 1. Тема

— Достало, — шепчу в темноту и падаю на кровать.

Закрываю глаза, чтобы не закричать от одиночества и бездны в моей душе, из которой я так и не могу вынуть нож. Наоборот, с каждым днём, я вонзаю его ещё сильнее, вспоминая о ней и о том, что она не рядом. Но каждый раз я себя успокаиваю: «Она счастлива замужем за Димой! Угомонись! Прекрати её искать и думать о ней! Она не твоя!».

Жмурю глаза ещё сильнее, чтобы не видеть голые стены, которые окружают меня уже несколько лет в этой другой стране, которая должна была стать для меня спасением, а стала тюрьмой.

Прикрываю глаза руками, чтобы не чувствовать пустоту, которую пытаюсь заполнить однодневными связями с чужими девушками. Красивыми, весёлыми, раскрепощёнными, но они не она... Их смех, голос и запах мне противен. Их тела меня не привлекают без нескольких бокалов горячительного. И всё же они помогают мне на время почувствовать себя счастливым.

— Артём, — мурлычет незнакомая мне девушка, выйдя из ванной в одном полотенце. Закусив свою пухлую нижнюю губу, направляется ко мне. Но прежде тянет руку к выключателю, чтобы включить свет и рассеять темноту.

— Не включай свет, — прошу русоволосую барышню,

невысокого роста и голубыми глазами. — Иди ко мне... Адель...

— Я не Адель. Я Бриджит, — напоминает, но я этого даже не запоминал.

— Да! Да! Бриджит, — повторяю, протянув к ней руки. — Иди ко мне... — и она повинуется. Виляя бёдрами, идёт ко мне, доказывая в очередной раз, что не эту девушку я хочу сейчас видеть перед собой. — Стой! Убирайся!

— Что?! — останавливается, непонятливо уставившись на меня.

— Что непонятного? Уходи! Сейчас же! Вали!

— Но как же... — начинает и я в одну секунду соображаю, чего она хочет. Денег. Они все хотят денег. Все в этом клубе, где я цепляю девиц, знают меня, как любителя голубоглазых блондинок. Щедрого любовника.

Встав с кровати, подхожу к своему пиджаку. Достая кошелек и, взяв из него несколько купюр, протягиваю девице.

— А теперь уходи, — спокойно произношу, направившись к мини-бару. — Я считаю до трёх, потом это сделает моя охрана. Не успеваю досчитать до двух, как девушка, схватив свои вещи, выскальзывает из моей спальни. Из моей второй спальни. В настоящую спальню я не пускаю никого. Даже прислугу. Не хочу быть маньяком в их глазах.

«— Как там Дима? — ненавязчиво сегодня утром интересуюсь у Ники, женичины, которая в своё время взяла нас с моим братом под опеку. Наши родители погибли и большие

у нас никого не осталось. Кроме Вероники, девочки-соседки, которую наша

семья всегда любила и считала родной. И мужа Ники, мужчины, который оказался моим братом по отцу.

— Позвони и сам спроси, — с вызовом кидает. — Может пора вам уже помириться? Родные братья, а ведёте себя как дети. Все переговоры через нас.

— У меня нет его номера, — сухо отвечаю, устав слышать это каждый раз. Понимаю, что она хочет нас помирить, но пока не готов. Да, и он тоже, раз не звонит.

— Сразу бы так и сказал! Я тебе пришло его номер по смс! Только позвони обязательно!

— Хорошо.»

Звонить брату оказалось сложнее, чем я думал. Внутренне боялся, что трубку поднимет ОНА и я вконец сойду с ума. За эти пять лет, она так и не позвонила, выказав своё то, что не хочет со мной общаться. Хотя сама просила мой номер, и я решился... но не позвонила.

«— Алло, — на английском ответила мне пожилая женщина. — Дом Солнцевых!

— Здравствуйте! Мне нужен Дмитрий Солнцев, — поприветствовал её, в который раз удивившись тому, что Ника мне дала домашний номер, а не личный номер моего брата.

— Господин Солнцев отсутствует, — вышколено произнесла. — Представьтесь. Я передам, что вы звонили и гос-

подин Солнцев свяжется с вами по возвращению.

— А госпожа Солнцева? — вопрос сам вылетел из моего рта, и я не успел вовремя сбросить вызов.

— Госпожа Солнцева также отсутствует. Они утром с мужем отправились в путешествие. Представьте, я передам, что вы звонили и с вами свяжутся.

— Не надо, — прошептал и бросил трубку в стену, прервав звонок»

Госпожа Солнцева — звучит... Только Солнцева она не из-за меня, а из-за моего брата. И, видимо, у них всё хорошо, раз в путешествие уехали. Интересно, а она читает все эти статьи в газетах, где рассказывается, что её муж ей изменяет? Так и осталась слепой, верящей в его сказки или игнорирует?

Плевать! Я счастлив! Сам! Без неё!

Взяв телефон, который купил несколько часов назад, набрал номер девушки, которая в последнее время заменяет мне друга, советчика и любовницу. Она непохожа на Адель ничем. Совершенно другая и этим располагает к себе.

— Катарина, ты можешь приехать...

— Буду через час, милый! Жди! — радостно проворковала.

Мне жаль её. Правда. Она надеется, что мы будем вместе когда-нибудь. Возможно... Но для начала мне надо забыть Адель. Жену моего брата.

Почему я держу рядом с собой Катарину? Потому что она единственная, кто более-менее мне приятен в этой стране.

Через несколько лет я захочу наследников. Я и сейчас хочу себе дочь или сына, но пока понимаю, что рано. Но лет через пять будет самое время. И, возможно, тогда я женюсь на Катарине, и она родит мне несколько малышей, на которых я перенаправлю свою любовь. Интересно, у нас может получиться дочь с голубыми глазами и милыми ямочками на щеках?

— Прошу тебя, Катарина! Прекрати истерику, — устало проговариваю, уже проклиная себя за то, что впустил её в дом. — Ты пока останешься в тени. В данный момент я не готов представлять тебя никому официально. Тем более на таком серьёзном мероприятии, где каждое моё слово после будет просмаковано десятки тысяч раз. А краснеть ещё и из-за твоих высказываний я тоже не собираюсь.

— Артём, мы уже вместе больше двух лет, — продолжает возмущаться, заинтересовав меня своими словами. — И многие уже давно считают меня твоей официальной невестой. Этот приём ничего не изменит.

— С чего ты взяла, что ты сейчас моя невеста и что мы вместе? Мы просто приятно проводим время, — произношу, наливая себе в стакан свежавыжатый апельсиновый сок, который привык пить по утрам. Ненавижу его, но пью. Потому что его любит ОНА. Глупая привычка и зависимость,

от которой не могу избавиться. И не хочу избавляться. — Если ты не заметила, то я и с другими девушками провожу время. Даже чаще, чем с тобой.

— И что? Все мужчины изменяют своим девушкам, — уверенно бросает. — Особенно в нашем кругу.

— Любимым не изменяют, — шепчу, а перед глазами новая статья об измене моего брата. Засмеявшись, залпом выпиваю свой сок и лишь затем возвращаю своё внимание «невесте». — Так вот, Катарина. Я тебе уже давно всё объяснил. Ты со мной, потому что ты мне интересна. Но это не значит, что мы встречаемся или у нас любовные отношения. Свои предложения о браке я не отвергаю лишь по одной причине, что ты порядочнее всех тех, кого я знаю в этой стране. Но возможный брак с тобой в будущем я воспринимаю как выгодную сделку. Где я получу наследника или наследницу, а ты всё то, чем владею я. А также имя в обществе. Но сейчас я не готов выйти с тобой в свет, — чеканю, строго оглядев её. Знаю, что этот взгляд и моя манера холодно с ней говорить её пугает, но иного пути быстро разъяснить ей происходящее нет. — Извини, мне надо собираться на приём. Я и так уже с тобой потерял пятнадцать минут. Не люблю опаздывать.

— Да почему, Артём?

— Потому что, Катарина, — не выдерживаю. — Я уже всё сказал. Что-то не устраивает? Дверь там. Не мешай мне собираться.

— Там будут другие девушки, которые захотят уехать с

тобой, — бубнит себе под нос, сделав попытку разжалобить. Подходит ко мне с опущенной головой и утыкается в моё плечо. — Я не хочу, чтобы они вешались на тебя.

— Все мужчины изменяют, — цитирую её же слова, приподняв её лицо за подбородок, заставляя взглянуть мне в глаза. — Правильно? Я всё правильно сказал?

— Артём!

— Ты права! Я мужчина, а это значит, что я изменял и буду изменять тебе, — провоцирую её, пытаюсь донести до неё, что либо её суждения неверны, либо ей придётся смириться с тем, что я не её мужчина и просто сплю с другими женщинами. Либо принять то, что я подхожу под описание её мужчин и таковым являюсь.

— Урод! — вопит моя уже «бывшая невеста», пытаюсь дать мне пощёчину, но я перехватываю её руку, чем злю её ещё сильнее. — Бесчувственный чурбан! Ты не умеешь любить! Чувствовать! Понимать! Ты вообще когда-нибудь любил, а? — отчаянно кричит.

Истерика. А это значит, что я потеряю ещё несколько минут, пока не выпровожу её. Не усажу в такси и не отправлю домой.

— Любил, — чеканю по слогам, не чувствуя и капли жалости к Катарине.

— И что? Она бросила тебя? Не выдержала жизни с бездушным роботом? — пытается задеть поглубже и ей это удаётся.

Может быть, я и правда робот? Поэтому Адель тогда выбрала живого Диму?

— Нет, — выхожу из себя после её слов. — Она жена моего брата. Но тебя это не касается. Проваливай, Катарина. Я не хочу тебя больше сегодня видеть.

— Жена твоего брата? — переспрашивает. — Какой ужас! Какое извращение!

— Дверь там, — указываю ей глазами на выход. — Я считаю до трёх, а потом охрана выставит тебя за ворота моего дома.

— Я уйду, — обещает. — Но ответь на один вопрос. Если ты её любишь, почему она не с тобой? Или твой брат лучше тебя? Нет! Стой! Не отвечай! Я знаю ответ! Он точно лучше, раз она с ним!

— Раз! — зло начинаю отсчёт.

— Она никогда бы не полюбила тебя! А что в тебе любить? Ты же холодный, равнодушный, вечно мрачный...

— Два.

— А она вообще знает о твоих чувствах? Подожди! А не от неё ли ты сбежал из России и теперь возвращаться не хочешь?

— Три! Охрана!

— Да! Я догадалась! Она тебя отвергла... — весело говорит, а затем начинает смеяться. — Бросила тебя! Сказала нет! Как ты это пережил?

— Не твоё, мать твою, дело, Катарина! Уходи, пока ещё

цела... Иначе я не знаю, что с тобой сделаю!

— А что ты мне сделаешь? Убьёшь?

— Хуже... — произношу, но охрана, схватив, уже уводит девушку, с которой я больше не хочу иметь никаких дел. Ни дружеских, ни любовных, ни интимных, ни тем более брачных.

— Ты бежишь от проблем! — слышу крики Катарины. — Трус!

Так меня ещё не называли.

Расставшись с Катариной, в этот раз уже навсегда, я почувствовал лёгкое облегчение и неожиданную радость оттого, что этой девушки больше не будет в моей жизни. Каждый раз я уступал ей, дав ей роль возможной матери своих детей, но... я не хочу от неё детей. И видеть её в своём доме, кровати, рядом с собой не хочу.

Её слова были неприятны, но не так обидны, если бы это сказал кто-то близкий для меня. Даже брат, когда в порыве ревности называл меня «психом», было большее.

Лишь сейчас я осознаю, что значимость Катарины в моей жизни была даже меньше, чем я думал. Поэтому, отправившись на приём, я решил ни в чём себе не отказывать. Знакомиться со всеми, кто подойдёт, а закончить вечер с самой приятной особой из присутствующих.

— Солнцев, — восклицает мой бывший одноклассник из России, непонятно как здесь оказавшийся. Хотя с нашей последней встречи прошло больше семи лет и многое могло

измениться. Ловелас из школы мог стать бизнесменом или жениться на богатой даме. — Ты ли это? Артём? Солнцев?

— Здравствуй, Влад, — отзываюсь и, взяв бокал у мимо проходящего официанта, направляюсь к однокласснику, которого, правда говоря, рад видеть. Я скучаю по России и любые её проявления здесь — для меня рай. — Какими судьбами здесь? Ты вроде как занялся путешествиями. Нет?

— Да, — гордо подтверждает мою информацию. — По нашей матушке России мотаюсь вместе со своей командой.

— А здесь как? — спрашиваю, оглядевшись вокруг. — Вроде бы гор тут на приёме нет. Да, и ты в смокинге, а не в экипировке.

— А ты, старик, шутить не прекращаешь, — произносит и по-свойски хватает в свои медвежьи объятия, но быстро отпускает. — Путешествия путешествиями, но деньги на это всё надо. Занялся производством спортивного инвентаря и его реализацией. Сейчас мой бренд один из ведущих в России и частично Европе. Так и получил приглашение на этот приём. Но лучше бы на Байкал поехал, — с сожалением шепчет вторую фразу. — Языка не знаю. Как и людей вокруг. Вон хоть тебя встретил и легче стало. А то уж думал напиться и вернуться в номер.

— Ясно, — тяну, отпив напиток в своём бокале. — Я и сам не очень люблю эти приёмы. Но вынужден.

— А ты как? Бизнес? Жена? Дети?

— Семьи нет, — отвечаю, чувствуя, как чёрная дыра в ду-

ше растянулась, став неприлично большой. — Не встретил ещё ту самую. Работаю в компании брата и его жены, параллельно с этим веду свой бизнес. Слышал об интернет-магазине строительных материалов «ASproduct»?

— А кто о нём не слышал? — восклицает, удивлённо посмотрев на меня. — Так это твой проект? — получив мой кивок, продолжает. — Быстро ты поднялся с этим проектом. По-моему, несколько месяцев и все заговорили о нём.

— Да. Повезло, — проговариваю, умалчивая, сколько сил, денег и бессонных ночей я вложил в этот проект.

— А в Россию возвращаться не думал? — неожиданно меняет тему, поинтересовавшись. — Хотя... прожив в этой стране несколько дней, даже я возвращаться не хочу. Никуда... красиво здесь, чёрт возьми.

— Пока не собираюсь возвращаться.

— Жаль, — выдыхает. — Мы послезавтра собраться решили всем классом. Отдохнуть. Отметить. Похвастаться. Ты, конечно, нас всех уже сделал, но может тоже к нам присоединишься? Шашлыки, рыбалка, девчонки. Все дела.

— Нет, не хочу, — вежливо отнекиваюсь.

— Чего это? Зажрался и до простого люда теперь не опускаешься? Небось, фуа-гра, креветки роднее шашлычка? А обычные девчонки уже не тянут на уровень силиконовых мам?

— Влад, у меня просто работы много, — спокойно отвечаю.

— Да брось ты эту работу! — прикрикивает, обратив на нас внимание всех собравшихся. — Ты вообще, когда последний раз дома был? Я месяца два назад видел твоих Нику и Макса. О тебе болтали. Говорят, скучают, а ты даже не думаешь приезжать. Давай на недельку в Россию махнём? У меня самолёт завтра утром!

— Влад...

— Едем? — спрашивает, вытащив телефон. — Говори сразу. Сейчас мой помощник тебе билет бронирует. Бронируем?

— Ну что? — довольно улыбаясь, интересуется у меня Влад, ожидая свою сумку с вещами. — Скажи воздух на родине другой. Правда? — делает глубокий вдох и блаженно закрывает глаза, смакуя запах аэропорта.

— Воздух как воздух, — отвечаю и, подхватив свой чемодан с ленты, оборачиваюсь и подаю знак охране, чтобы забрали мои вещи и погрузили в присланную Максом машину.

— Клянусь своими новыми ботинками, но ты ворчливее моего деда, — восклицает бывший одноклассник. — Весь полёт бу-бу-бу! Зу-зу-зу! А может, не надо мне ехать! А может, надо! — копирует меня, и я невольно начинаю улыбаться. — Не знал бы тебя, подумал, что ты волнуешься, как будто на свидание летишь. Ломался весь полёт как... промолчу,

как кто, но ты меня понял.

— Влад, я не был в России несколько лет и даже не догадываюсь, что меня тут ожидает, — отвечаю ему, перестав хохотать, а он меня цитировать. — Ника вчера мне ясно дала понять, что обижена на меня. Ведь сколько она меня умоляла приехать, я не соглашался. А тут в одну минуту решил приехать. Когда узнала, что из-за тебя, так ещё больше разозлилась. Считай, я сейчас еду домой, а там меня могут не пустить. Водой ледяной окатят. Непонятно, какая месть меня ждёт.

— Ника твоя — женщина мировая, — начинает Влад, и наконец дождавшись, пока приедет сумка Влада, направляемся к выходу из аэропорта. — Цветочки, конфетки, немного внимания и виноватых глаз — простит все грехи. Все они женщины такие: за каплю любви всё простят и даже утешат бедненького.

— Сам знаю, — выдыхаю, делая себе пометку заехать и купить любимый торт Вероники, жены моего старшего брата и женщины, которая в своё время стала нам сестрой и матерью. — И всё же... не знаю я. Чувство такое, что что-то должно случиться. Чуйка у меня такая с детства.

— А у меня чуйка на хорошие посиделки, — перебивает меня одноклассник. — В общем, я нашим позвоню и скажу, что ты тоже с нами будешь. И чуйка тебя не подводит: случится самый крутой отдых за всю твою жизнь! Три дня будем на природе среди парней. Но некоторые с женщинами

своими будут. Не заглядывайся. У нас не любят такое.

— Чужие женщины мне не нужны, — проговариваю, закусив язык в тот момент, когда до меня доходит, что от одной чужой женщины я бы не отказался. Но её на посиделках не будет. — Кстати, ты не говорил, куда мы поедем.

— Да есть тут одно место. Ваньку Носикова помнишь? Купил себе квартиру за городом, и там рядом озерцо отличное есть и поляна классная. Мы её давно забронировали.

— Обычное озеро? — с сомнением переспрашиваю.

— Какие-то проблемы? Вам, Артём Александрович, нужно личное поле для гольфа, арендованное водохранилище и запущенная туда редкая рыба? Может, ещё официантов? Уборщиков? Поваров?

— Прекрати! — раздражённо попросил Влада. — Я просто спросил, чтобы понимать, что лучше взять с собой.

— Да, обычное озеро, Артём, — уже спокойнее отвечает. — На некоторых берегах даже люди купаются. А мы отдельно. В сторонке. Культурно отдохнём с шашлычками и картошечкой на огне. С палатками и всеми ништяками.

— Хмм, ладно, — понимающе киваю, делая себе список того, что нужно подкупить к нашим «культурным посиделкам». — Признаюсь, давно я не отдыхал.

— Как нормальный человек? — предполагает и я, рассмеявшись, киваю. — Да... Ты за меня держись, Тём, я тебе и не такой отдых устрою. Кстати, у озера можно чекуль отличных подцепить. Натуральных, сочных, без силикона главное. И

хрен кто догадается, что ты миллиардер. А если понравится, то можно потом... продолжить общение. Я в прошлом году там тоже с девчонкой познакомился. Полгода роман крутили, а потом страсти утихли. Но как вспомню её... — мечта-тельно закусывает губу. — Так вернуть всё хочу.

— Понял, — выдыхаю, остановившись на парковке. — Ладно, давай! Жду адреса и указаний по смс, Влад. Пока поеду к своим. Навещу и получу люлей.

— Ты? Люлей?

— А почему нет? Не король же, — повторяю его давешние слова. — Нике плевать, что где-то я большой человек. Она меня всю жизнь мелким шкодой считать будет. И на то имеет право.

— Ника, — ласково обращаюсь к обиженному, но такому любимому человеку, который не хочет на меня смотреть и говорить. — Ника, — повторяю ещё мягче, подставив цветы перед её лицом. — Прости. Виноват. Готов понести наказание. Самое жестокое. Всё, что хочешь... Ника. Никуличка! Ведьмочка...

— Я с тобой не разговариваю, — обиженно бурчит, но цветы принимает. Утыкается в них носом и вдыхает приятный аромат букета. — За цветы спасибо. Красивые.

— Мир?

— Вот даже не знаю, что с тобой делать, балбес, — всё так же обижаясь, оборачивается ко мне и, наконец, заговаривает. Впервые за двадцать минут. — Вроде и обидно. А с другой стороны, так рада тебя видеть, что хочется тебя этим букетом избить.

— Бить не надо! — торопливо проговариваю. — Это розы. С шипами. Больно будет.

— Вот поэтому и хочю ими избить, — признаётся, вызвав мой залиvistый смех. — Ты хоть на каплю представляешь, каким упрямым был все эти годы? Сколько раз я тебе пыталась что-либо сказать, а ты вечно бросал трубку? Сколько раз ты бежал от нас с Максом, хотя мы тебе помощь предлагали? И сколько раз спасали от тебя самого же, а ты нас отталкивал? Сколько раз просила приехать, а ты... вот жаль, что отец твой не жив. Александр бы тебе ремня хорошего всыпал, что старших не слушаешь и ведёшь себя как дитя. А вроде взрослый мужчина. Тридцать скоро будет...

Обречённо кидаю взгляд на Макса, мужа Ники и моего старшего брата. Тот пожимает плечами и с улыбкой продолжает смотреть на то, как его жена меня отчитывает. Явно наслаждается тем, что его «ведьмочка» ругает кого-то, а не его.

— Ты хоть на каплю представляешь, что всё это время делал со мной? Дурак! Самый настоящий упрямый осёл! Но как же я по тебе соскучилась, Тёмка! — заканчивает на вдохе. — Всё! Выговорились! Теперь давай обниматься! — с широкой улыбкой произносит, а я застываю на несколько се-

кунд, удивлённый резкой сменой настроения и приветливости.

— Давай! — соглашаюсь и первым обнимаю «сестрёнку». — Я тоже скучал по тебе, Ника.

— Почему тогда ни разу не приезжал? — резонно интересуется. — Тех встреч у тебя, раз в два года, для меня было мало. Катастрофически мало. Я и так с трудом отпустила вначале тебя, а потом Димку от себя подальше. И если последний часто прилетает, то ты вообще про нас забыл...

— Прости! Исправлюсь!

— Надеюсь на это! А теперь за стол? Я много всего вкусного заказала, так что... Вперёд! Приготовить вчера ничего не успела. Были серьёзные дела в фонде.

— Пойдём, — соглашаюсь и, обняв Нику, вместе с ней иду к столу. Там, сев втроём, я, Макс и Ника, мы, как в старые добрые времена, когда я ещё жил в России и всё было хорошо — болтали, рассказывали, обсуждали и веселились.

На минутку я даже почувствовал себя счастливым. Казалось, через минуту в комнату войдёт брат, с которым я не общался с того дня, как улетел. Следом за ним придёт Адель и будет смущенно сидеть за столом, кидая на нас с Димой улыбочивые взгляды, от которых настроение всегда поднималось.

Жаль... что этому не быть. Всё в прошлом. И брат. И девушка, которую я никак не могу забыть.

— Как Дима? — интересуюсь между делом, когда за сто-

лом повисла тишина. — И его... жена Адель? Счастливы? Детишки? Не слышал ничего такого в прессе.

— Ты... — начал было Макс, но Ника его прервала.

— Не надо, Максим. Не надо! — обида вновь появилась в её голосе. — Если надо, пусть сам звонит брату, и всё узнает. Я столько раз пыталась ему сказать, но он меня игнорировал, кидал трубки, трепал мои нервы тем, что я переживала за оболтуса. Теперь пусть даже не ждёт того, что мы ему расскажем. Пусть сам узнаёт.

— О чём? — настороженно уточняю, готовый почти ко всему.

— О том, что ты, Тёмка, дурак, — отвечает Макс, вздохнув.— Столько лет потерял из-за своего упрямства и глупых принципов. Если несколько лет назад ты бы просто выслушал Нику, то жена и дети сейчас были бы у тебя.

— Вы объясните мне, что произошло?!

— Нет!

Глава 2. Тёма

— А вон там, смотри, — незаметно шепчет мне Влад, на-
низывая мясо на шампуры. — Ира из нашего класса. Пом-
нишь, самая страшенькая была, а сейчас... эх, жаль, что в
школе я ей отказал. Такую красоту упустил, — с сожалени-
ем проговаривает, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть девуш-
ку. Влад же продолжает мне показывать кто где и как изме-
нился. — Справа от неё — Саша, её вечная подруга ещё со
школьной парты. Помнишь же Сашку? Скоро ещё приедут
Жанна и Вика. Эти одинокие и к ним подкатывать можно.
И даже нужно... Хотя к Сашке не подкатывай. Она недавно
со своим папиком рассталась и за тебя точно клешнями вце-
пится. А оно тебе надо?

Хмыкнув, возвращаю своё внимание бывшему однокласс-
нику. Девушки и правда изменились. Стали взрослее, осо-
знаннее. И всё же для меня они так и остались девчонка-
ми, которые на моих глазах учились пользоваться космети-
кой, заводили первые отношения. Ни симпатии, ни любви
или желания с кем-то пообщаться поближе, узнать, как они
жили и живут сейчас — у меня нет.

— Я здесь, чтобы отдохнуть, а не заводить лёгкие интриж-
ки, — останавливаю его. — Увидеть вас, поговорить. И всё.
Больше ничего я делать не планирую.

— А ты сразу серьёзную интрижку заведи, — советует,

заржав, как конь. — Но не с Сашкой. Запомни: Сашка табу!

— Я подумаю, — кидаю, натянув улыбку. — С мясом помочь? Или сам всё нанижешь? Парни уже ждут.

— Да не-е! Иди, эти отнеси! Но прислушайся к моему совету... девчонки с годами стали огонь, — тихо проговаривает, а затем, покосившись на одного из моей охраны, недовольно задаёт вопрос. — А этих дома нельзя было оставить? Или вместо них баб симпатичных взять?

— Я и так половину дома оставил, — спокойно отвечаю, взглянув на тех, кто обеспечивает мне безопасность и не один раз спасали. — Полностью без охраны я не могу остаться.

— Тогда скажи им, чтобы на Машу мою не пялились, — неожиданно просит, заставив удивлённо на него посмотреть. — Она со мной приехала и мне конкуренты не нужны. А этот твой лысый уже несколько минут взгляда с неё не сводит, — зло проговаривает, подбородком указав на моего охранника.

— Хорошо. Передам, — обещаю ему. И правда собираюсь это сделать, но немного позже. — Пойду, мясо отнесу парням и вернусь, а потом с ним поговорю.

— Давай.

Взяв все восемь шампуров, которые Влад успел нанизать, направился к мангалу и ребятам, ответственным за приготовление мяса. Все девчонки, которые сегодня отдыхают с нами, занимаются нарезкой овощей, закусок и другой различной пищи, болтая и сплетничая.

Все немного удивились, когда я появился. Недолго обменялись приветствиями, а потом все разошлись кто куда и за чем. Половина мужчина осталась здесь заниматься шашлыком, а вторая уехала в город, так как кое-кто забыл купить не только воду, соки, но и другие напитки.

— Мясо, — оповестил Егора и Ваню, сидящих у мангала. — Эй, мясо! — вновь попытался привлечь внимание, оторвав от разглядывания девушек в купальниках на противоположном пляже.

— Кто какие ставки делает? Проснётся или дальше будет спать? — заговаривает первым Ванёк.

— Самый ржач будет, если не проснётся! — заржал Егор, и быстро повернувшись ко мне, забрал шампур. — А ты какие ставки делаешь? Очнётся вовремя или когда уже будет полностью в воде?

— Вы о чём? — непонятливо интересуюсь.

— Да вон, видишь матрас? А на нём девчонка спит? — спрашивает Влад, указав пальцем на синий надувной матрас, и я, приглядевшись, быстро нахожу его, заметив и девушку, лежащую на нём. — У неё матрас сдувается и скоро полностью сдуется. Вот гадаем, проснётся или нет?

— Совсем?! — вскрикнул, поняв, что матрас и правда сдувается и совсем скоро девушка либо умрёт, так и не проснувшись, либо, запутавшись в своём ложе, пойдёт ко дну. Может быть и иной вариант и волноваться не за чем. И всё же... если проснётся — хорошо, а если нет? Лучше в

этом случае думать о плохих вариантах, а не надеяться на чудо. — Судя по росту, там ребёнок. А если девочка плавать не умеет, а вы ржёте? Потом сможете себя простить, если утонет, а вы ничего не сделали? Сможете? Придурки!

— Да успокойся ты, — безразлично кидает Ваня. — Это не ребёнок. Девушка. Соседка моя. Взрослая, на минуточку. По-любому плавать умеет. Часто тут бывает и ни разу не то-нула. Вечно на своём матрасе. Не утонет!

— А если нет? — задаю вопрос, на который и не жду ответа. Отставив их, иду ближе к берегу и начинаю звать спящую красавицу, неудачно выбравшую место для сна. — Девушка! Девушка! Девушка-а-а!

Но ответа никакого. Даже рукой не шевелит. Странно это. Вздыхнув, отметил, что матрас несёт в нашу сторону, и он практически сдулся. Осталось несколько минут до того момента, когда воздуха в нём практически не останется. Если она сейчас не проснётся — случится трагедия.

Наплевав на всё, с разбегу вхожу в воду прямо в одежде и со всей возможной скоростью плыву к матрасу. Молясь, чтобы успеть и не дать случиться беде на моих глазах. Никогда себе не прощу того, что мог помочь и не сделал это. Лучше переживать, что ты не смог спасти, чем то, что ничего не сделал.

Мне удаётся довольно быстро подплыть. Почти сразу же найти клапан и маленькую крышечку, которая открылась, выпуская воздух их матраса. Закручиваю её обратно покреп-

че, и лишь тогда принимаюсь будить девушку, мирно спящую на матрасе.

Закрыв лицо мокрой панамой, она дремала, даже не подозревая того, что чуть не утонула. На секунду улыбка появляется на моих губах, когда я вижу русые волосы. Они всегда ассоциируются у меня с той, кто никогда не будет со мной.

— Девушка! — мягко тронул её за плечо. — Девушка, проснитесь, — чуть грубее трясую её.

— Отстань, — тихо бурчит. — Я всю ночь не спала. Имей совесть.

— Да мне как-то плевать, спала ты или нет, — произношу, удивлённый наглостью мадам. — У тебя матрас сдувает.

— Ну так поддуй, в... — пробормотала и, наконец, стянула панаму, посмотрев в мою сторону таким злым и недовольным взглядом голубых глаз, что я чуть сам на дно не пошёл. И не потому, что страшно, а потому что...

— Адель...

— Тёма? — неуверенно произносит и тянет руку к моему лицу, которое я тут же подставляю ей, жаждая ощутить её. Нежно касается щёки своей маленькой ладонью, также аккуратно проследовав вниз, к моей лёгкой небритости и подгладив её. Раньше у меня не было её, но в какой-то момент я решил что-то изменить в себе.

Я же не могу оторвать взгляда от голубых омутов, по которым, чёрт возьми, безумно соскучился. Но в них больше нет блеска. Они словно... потухли, хотя всё ещё горят. Ма-

ленький огонёк, который горит, но может в любую секунду потухнуть.

Её прикосновения для меня высшая награда за всё, что я делал. Я и не надеялся встретить её, почувствовать её, а тем более на то, что она сама потянется ко мне.

— Привет, — шепчу, боясь громким звуком спугнуть её. Да. Мне страшно. Страшно потерять её сейчас. Мне казалось за эти годы чувства стали меньше, если так можно назвать смирение с тем, что она с другим. Но сейчас, увидев её, я понял, что наоборот, жутко соскучился и люблю её ещё сильнее.

— Привет, — выпаливает Адель торопливо и, наконец, приходит в себя. Начинает обеспокоенно смотреть по сторонам, словно ищет кого-то или избегает смотреть мне в глаза. Лучше бы первое, второго я жуть как не хочу. — Я это... плавала. И...

— Успокойся, — прошу её и хватаю за руку, якобы, чтобы успокоить, но на самом деле я хочу её касаться. Хочу чувствовать её кожу, тепло и энергию. — Кого-то ищешь?

— Да, — отвечает, продолжая поиски. — Того, кто должен был выполнять твою работу и спасти меня. А он, гад, такой... бросил меня одну!

— Дима? — спрашиваю, собравшись и отдёргнув руки, продолжив смотреть, как она вертит головой, ища непонятно что.

Злость, ревность и желание побить кого-то вспыхнули во

мне за секунду. Я злился на Адель, что даже сейчас она думает... о своём муже. Хотя не так ли себя должна вести примерная жена? Минимизировать любое общение с чужим мужчиной. А я для неё именно чужой.

— Нет, — кидает. — Ну, где же он?! Утонул?! Не дай бог!

— Охранник? — делаю новое предположение, ожидая ответа. Наконец, найдя того, кого Адель искала, она успокаивается и возвращает своё внимание мне, но уже с широкой улыбкой, радостным выражением лица, но слегка смущённая.

— Ага, охранник. ФСБшник, — выдыхает, расхохотавшись. — Ты как тут? Ну... не в воде, а в России? — проговаривает и улыбка появляется и на моих губах. Она всегда уточняет то, что и так понятно, пытаясь сделать из этого шутку. Привычка. Приятная. Мне всегда она нравилась.

— Приехал навестить Нику и Макса. Впервые за все эти годы, — отвечаю, ухмыльнувшись и залюбовавшись ею. Она выросла. Стала красивее, увереннее в

себе. Её фигура приняла более женственные округлости, а в некоторых местах очень даже округлилась. У неё и раньше бюст был шикарным, но сейчас... Так! Про это забыли! Нельзя! Запрещено! Но как забыть о привлекательности и сексуальности женщины, которая не выходит у тебя из головы несколько лет?

— Ааа, — тянет понимающе. — Ты не поможешь? Мне немного некомфортно на полусдутом матрасе. Кажется, что

он и дальше сдуется. И тогда я окажусь среди рыбок.

— Что нужно? — тут же интересуюсь.

— Просто смотри, чтобы я не утонула, — отдаёт «приказ». — Я всё ещё не очень хорошо плаваю, хотя хожу в бассейн часто. Думаю, мне не дано, но воду я люблю...

— Я помню. Хорошо, — соглашаюсь и она, повернувшись ко мне своей попой, сползает с матраса, направившись клапану и принявшись надувать своё ложе. Благо не в мою сторону. У меня после этого зрелища не очень приличные мысли. Разве нельзя было спускаться как-то иначе? Или она думает, что если в длинных шортах, то это выглядит не так провокационно? — Может мне помочь и с этим? — спрашиваю, наблюдая за тем, как усердно она дует, превращаясь в красного рака.

— Нет, — отвечает, оторвавшись от своего занятия на несколько секунд. — Я привыкла. У этого матраса вечно клапан вылетает, но другой покупать не имеет смысла. Вова всегда рядом со мной и обычно контролирует такие ситуации. А сегодня... уплыл. Но ты меня спас! Кстати, спасибо! Я немного была ошарашена тем, что именно ТЫ меня спас.

— Вова? Охранник?

— ФСБшник, — по-своему называет она своего телохранителя. — Готово! — оповещает меня через время, даже на секунду не допустив меня к клапану. Ишь какая самостоятельная и вредная стала. Сильная...

— Сама залезешь или помочь? — спрашиваю, надеясь на

то, чтобы хоть чем-то помочь.

— Сама, — отвечает и в одну секунду оказывается уже сидящей передо мной. — Хочешь? — хлопает она по матрасу. — Ко мне? Поболтаем? Или тебя кто-то ждёт. Если ждёт, то... извини, — смущённо проговаривает, чувствуя себя в этот момент уязвимой.

— Хочу, — решительно отвечаю и залезаю на матрас, свесив ноги в воду, как и Адель. — Я соскучился по тебе и готов проговорить хоть несколько дней подряд. Давно мы виделись последний раз...

— Давно, — соглашается печально. — Кажется, что целую жизнь назад. Я тоже скучала, — поворачивает ко мне голову и дарит очень грустную улыбку. — Ты изменился. Стал таким... взрослым. Серьёзным, — спокойно делает комплименты, а затем ошарашивает: — Раздевайся.

— Что?

— Раздевайся, говорю, — повторяет просьбу, на что я вздёргиваю бровь. — Вот балбес! Одежду твою выжать надо. Потом обратно наденешь. А ты что подумал? В мокром замёрзнешь быстро. А в этой части озера ветер обычно.

— Да, конечно, я так и подумал. Просто неожиданно, — оправдываюсь, еле сдерживая смех, ведь подумал я вовсе о другом. — Сейчас, — послушно выполняю сказанное Адель, сам выжав вещи. — Какими судьбами ты здесь? — в свою очередь спрашиваю я её.

— Ну... решила отдохнуть с семьёй. Они вон на том бе-

регу, — указывает пальцем на немногочисленный пляж.

— Дима тоже здесь? Не вижу его...

— Нет, — настороженно отвечает, странно взглянув на меня. — Не здесь.

— Я имею в виду в России, — уточняю для неё, пытаюсь не смотреть в её глаза, чтобы не выдать того, что так и не смог её забыть. Что жутко ревную её к собственному брату.

— Не знаю, — тянет, медленно пожав плечами. — Наверное, в Финляндии? Ты лучше должен знать, где твой брат, Тём.

— В смысле? — опускаю на неё взгляд, посмотрев на неё, как на пришельца. — Ты не знаешь, где Дима? Ты же его жена? Или после всех этих статей...

— Стоп! — прерывает она меня. — Ты что, ничего не знаешь? Дима так тебе и не сказал? Ни разу не упомянул за эти пять лет?

Глава 3. Малышка

— Я не общался с Димой, с момента, когда уехал, — отвечает он, внимательно смотря на меня. — То есть все эти годы я узнавал о судьбе брата только через газеты и новости. И о том, что вы с Димой поженились узнал оттуда.

— Тём, — виновато опускаю глаза, боясь взглянуть на него и в который раз понять, что он всегда был прав. Он меня предупреждал, но я не послушала. — Свадьбы не было.

— В смысле не было? — восклицает удивлённо, вероятно подумав, что я вру. — Я звонил Диме домой и мне прислуга сказала, что госпожи Солнцевой нет дома. Потом газеты часто говорят о жене моего брата.

— Это Габи, — рассказываю. — Они поженились недавно. Год или полтора назад. Я точно не знаю, но сейчас она его жена. И о ней постоянно говорят в газетах. Хотя и нечасто она там мелькает.

— То есть... ты не стала его женой? Почему?

— Долгая история, — произношу, пытаюсь улыбнуться, но улыбка выходит кривой, поэтому я решаю быть настоящей. Сломанной. Побитой. Без фальшивой радости.

— Нет, я хочу знать! Когда всё это случилось? Почему? За что... — закидывает меня вопросами, напирая так сильно, что хочется тут же закрыться и не говорить об этом. Я и не хочу. Не с ним. Он и так всегда знал, что глупая, что сделаю

ошибку. Не хочу быть жалкой в его глазах.

— Не хочу говорить об этом, — честно признаюсь ему, сделав ещё одну попытку улыбнуться, но ничего не выходит. Опять. Стыдно мне. Очень. — Давай о тебе? Как ты? Женился? Бизнес как?

— Нет, не женился, — коротко бросает, начав злиться, что я молчу и не хочу говорить. Но у меня есть на то причины. — Адель, я жду. Что произошло между вами?

— Многое, Тём. Очень многое. И я не хочу это вспоминать. Никогда. Понимаешь? Не хочу! Прошу тебя, давай не будем ворошить прошлое?

— Он тебя обидел? Что он тебе сделал, малышка? Скажи, и я убью его! — обещает так яростно, что я знаю — он это сделает, если узнает правду. Всю правду. Она разрушает меня, заставляет молчать и лишь по ночам плакать, мечтая о мести. Я больше не та «малышка»... годы и некоторые люди забрали у меня это.

— Тём! Успокойся! Всё хорошо! Свадьбы не было, потому что он мне изменил. Просто изменил и всё! — вру, сказав частичную правду, лишь бы он успокоился. Я по-прежнему не хочу войны между Тёмой и его братом. У нас с Димой своя история. Своя болезнь. Своя война.

— Это в его стиле, — выдыхает.

— Ты уехал за границу, — решаю рассказать частичку того, что было. — Диму Макс тоже отправил на два месяца в командировку в Финляндию, открывать там новое

отделение. Обычно на выходные он прилетал, и мы готовились к свадьбе. Веселились и всё было хорошо. По крайней мере, я так думала. В один день я позвонила ему, чтобы уточнить время его прилёта, и услышала не его голос... и вообще даже не разговор, а... ладно. Поэтому свадьбы не было. Вот так, Тём. Ты оказался тогда прав, и я зря осталась с Димой.

— Мне жаль, — искренне произносит и, приобняв, притягивает к себе. По-дружески, сочувствуя.

— А мне нет, — кидаю, подняв на него осознанный и взрослый взгляд. — Судьба меня уберегла от него. И стоило сразу послушаться её, а не пытаться с ней бороться. Вот и всё. Глупая. Молодая. Слишком наивная.

— Извини, я не хотел тебя расстраивать, — произносит и, протянув руку, стирает с щёк слёзы, которые я не смогла сдержать.

Мне всё ещё больно. Да. Только я давно не люблю показывать боль. Людям нравится, когда другие страдают. Они смотрят, радуются и осуждают. Я давно прекратила показывать свои эмоции людям в лицо. Бумага... вот кто мой посредник. Я рассказываю всё бумаге, экрану ноутбука, где пишу очередной роман, маскируя в нём свои страдания, боль, радость. Тьму и свет.

— Всё в порядке, — успокаиваю его. — Так, как ты? В прессе о тебе очень мало. Только Ника иногда рассказывала о тебе.

— Я в норме, — отвечает, всё так же не отпуская из объятий. — А новости я выкупаю. Не люблю я это всё... пафос и известность. Только делу мешает, — рассказывает, а затем задаёт вопрос, который откроет тайну обмана. — Почему ты мне не позвонила, Адель? Я ждал твоего звонка.

— Я тебе звонила, но мне ответила девушка, — проговариваю, похлопав глазками. — Она представилась твоей будущей невестой. Я не поверила вначале, но потом ещё тебе звонила, и ещё... она поднимала трубку почти всегда. Я даже слышала твой голос на фоне несколько раз. Ты смеялся и разговаривал с кем-то. После года бестолковых звонков, я перестала искать с тобой связь. Не хотела навязываться.

— Адель, у меня не было никакой девушки, первый год уж точно, — задумчиво говорит. — Телефон всегда был со мной. Доступа к нему не было ни у кого. Девушек вокруг не было тогда... Клининг... Да, нет. Там всегда разные девушки были, и я его вызывал несколько первых месяцев, а сейчас редко очень. Потом завёл себе домоправительницу. Только она пожилая и ты бы точно это поняла по голосу. Ты точно тот номер набирала?

— Ну, если там был твой голос, то да! — отвечаю, уверенная, что это именно Тёма. Его смех я узнаю из тысячи. — Но первый раз я позвонила через месяц после того, как ты уехал. Просто... я номер потеряла. Прости. Но Дима попросил у Ники и потом мне передал. Я сразу же при нём набрала.

— Дима не знал мой номер, Адель. Я дал чёткое указание

Нике и Максу не давать мой номер вам двоим. Ему, потому что злился на эгоиста. А тебе, чтобы не скомпрометировать перед Димой. Тот номер, который я передал тебе с кольцом был заведён только для тебя одной. И никто о нём не знал. Попади ты на рабочий номер телефона, мой секретарь бы передал мне о звонке из России. И он мужчина. А вот личный... нет! Туда звонит только Ника, Макс и несколько друзей. Рабочий и личный я обычно отключал перед сном, чтобы отдохнуть, но телефон с номером, данным тебе — я никогда не отключал. Даже сейчас — он в палатке.

— Но ведь Дима дал... — начинаю и замолкаю, поняв, что дура. Настоящая дура! Как я могла поверить, что Дима даст мне номер Тёмы, зная о ревности брата. — Он меня обманул? Да? — с сожалением задаю вопрос, но уже и так знаю ответ.

— По всей видимости, — соглашается, печально посмотрев на меня. — Но как ты потеряла мой настоящий номер?

— Посылку доставили в свадебный салон, в котором мы выбирали платья с Димой. Пока я отошла прочитать гравировку, записку работни... Дима, — догадываюсь, закрыв глаза, мысленно ругая себя всеми неприличными словами. — Выкинул. Извини, Тём... я не знала. Если бы знала, то позволила бы. Правда! Я очень хотела с тобой общаться дальше. Я скучала по тебе и даже плакала, когда мне отвечала твоя, точнее, будто бы твоя девушка. Дима жалел меня и успокаивал, а сам...

— Вот урод, — выдыхает Тёмка, обняв меня ещё сильнее. — Ну ладно! Хорошо, что выяснили, — одаривает меня улыбкой, когда я поднимаю на него виноватые глаза. — Получается, что все эти годы были напрасными? И мы столько лет общения потеряли...

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Всё случилось, как должно было. Судьбу не переиграешь, как бы ты не хотел. Потом сильнее ударит, если решишь хоть на шаг в сторону отойти. Я знаю, — вздыхаю и вновь возвращаю свой взгляд на человека, которого чуть не потеряла из-за Димы. — Тём... — начинаю, заметив, что он наклоняется ко мне, чтобы... поцеловать!

Нет! Нет! Нет! Нельзя!

— Эй, мужик! — слышу издалека голос подплывающего Вовы. — А ну слез с матраса! Живо! Она не знакомится. И клешни от неё убрал. Иначе сломаю и даже не моргну.

Голова Тёмы вмиг поворачивается в сторону звука, бросив попытку поцеловать меня. Встретившись с рассерженным взглядом моего защитника, отпускает меня, чтобы с вызовом посмотреть на Вову.

— Плохо слышишь? Свалил отсюда! — не унимается он, а затем обращается ко мне. — Адель, всё хорошо? Он тебя не тронул?

— Да, Вов, — отвечаю, почему-то рассмеявшись от комичности ситуации. От того, как они друг на друга смотрят. — Всё хорошо. Это мой друг, Вовусь. Он меня не обижал. А

наоборот, спас, когда матрас начал сдувать.

— У тебя нет друзей, — говорит он, хищно прищурившись на Тёму.

— Есть, — отвечаю ему. — Это мой старый друг. Тёма Солнцев. Оставишь нас? Мы поговорим, и я вернусь? — ласкового его прошу, зная, что потребую — не уйдёт, а если мягко, то есть шанс на уединение.

— Помню, — всё так же, убивая Тёму глазами, говорит он. — Ладно, я пойду с вышки попрыгаю. Но я за вами слежу. Смотри мне... Я тебя запомнил!

Сверкнув злым взглядом, Вова разворачивается и плывёт к ближайшей вышке, с которой можно попрыгать. Здесь на озере их куча. Самодельных, но прыгать с них можно.

— ФСБшник? — уточняет Тёма, когда мы оказываемся вне поля слышимости моего защитника, и я киваю, начав смеяться. Из уст Тёмы это звучало комично. Домашние все привыкли, а вот от чужих это слышать... ну очень смешно. — Парень твой?

— Ага! — хохочу.

— Смелый у тебя парень, — делает комплимент Вова. — За такого и замуж не грех.

— Тёма! — начинаю ещё громче, без остановки хохотать. — Ты серьёзно? Чтобы за него замуж выйти, мне ещё годика три его подождать надо. Иначе меня посадят. Да и люди не поймут.

— Не понял?

— Ты что, его не узнал? Это же мой брат! Вова. Я же сказала, что с семьёй отдыхаю.

— Подожди, это что, тот пирожок? — недоверчиво уточняет, ещё раз взглянув на него.

Ну да, когда Тёма уехал, он был низким, полноватым и с беби фейсом, но за пять лет превратился в дяденьку под метр восемьдесят ростом, мужским взглядом и грубоватым для его возраста голосом.

— Он вырос, Тём. Вытянулся. Возмужал. Лишние килограммы ушли в рост, — объясняю. — Сейчас парней от меня гоняет. Следит за мной. Помогает во всём. Контролирует, чтобы никто ко мне не приставал. А если что — вступает за меня. Мы поэтому его в семье и называли ФСБшник. В шутку, конечно, но прицепилось прозвище накрепко.

— Ого! — удивлённо восклицает. — То есть он всё-таки твой телохранитель?

— Ну, можно и так сказать, — тяну, с любовью посмотрев на брата, который как раз прыгал в воду.

— Хорошо, — шепчет, а затем оборачивается к Вове, подзывая его к себе. — Эй, малой! Плыви сюда. Дело есть.

— Слушаю, — отзывается, когда буквально через полминуты оказывается около нашего матраса.

— Сестру твою похитить хочу. На тот берег к моим друзьям. Не против? Верну её целой, невредимой и с улыбкой на губах. Можно?

— Если она согласится, то плывите, — важно заявляет

брат, но я-то знаю, что дома меня потом ждёт допрос о том, кто такой Тёма, зачем я с ним поплыла, почему не поплыла и т. д. Беспокоится. Только порой его забота душит.

— Адель, ты как? — оборачивается ко мне Тёма, ожидая моего ответа.

Глава 4. Тема

— А твои друзья точно не будут против, если я к вам присоединюсь? — неловко интересуется у меня Адель в тот момент, когда я её спускаю с матраса ближе к берегу, на котором отдыхают мои одноклассники.

— Точно, — отвечаю и отпускаю её на пол, а точнее, в воду. Адель в одну секунду понимает, что не чувствует дна и уходит вниз. Поэтому сразу же цепляется за меня. Как мартышка обхватывает меня ногами, посмотрев на меня глазами полными ужаса. Знаю, что негодяй, раз так хитрю, но другого выхода у меня нет. — Кажется здесь глубоко для тебя. Давай помогу? — предлагаю и подхватываю её на руки, ведь я до дна достаю. Специально выбрал так. Если узнает, то обидится. Но это потом. Вначале я её вынесу, а потом пусть дуется, сколько хочет. Надеюсь, методы примирения у неё не изменились и «наполеонов» хватит.

— Намекаешь на мой маленький рост? — подозрительно прищурившись интересуется, обхватив меня руками за шею. Прижавшись к моей грудной клетке, хватает с матраса мои полумокрые вещи, и мы идём на берег.

— Что ты! — восклицаю, шокировано посмотрев на неё. — Мне наоборот нравятся невысокие девушки. Маленькие, миниатюрные и красивые.

— Тёма!

— Идём уже! Нас вон ждут.

— Что-то мне взгляд вон тех мужчин не очень нравится,
— настороженно произносит, покосившись на мою охрану, которая не успела за мной сигануть в воду. За что получит нагоняй. Но не сейчас. Не до этого мне в данный момент, когда на моих руках та, что не выходила из головы несколько лет. Свободная. И моя. В этот раз — точно моя!

— Не переживай. Я никому не дам тебя в обиду, малышка, — обещаю ей, покрепче прижав к себе. — Никому. Никогда. И что бы ни случилось.

— Слишком громкие обещания, Тёма. Я таким не верю,
— спокойно отвечает и отчего-то отводит взгляд. Но одна я знаю: косяк моего братца.

— А чему веришь?

— Ничему.

— Ты изменилась. Очень.

— Не один год прошёл, Тёмочка, — с улыбкой произносит. — Конечно же, я изменилась. Ты тоже как бы не стоишь на одном месте.

— Ооо, Тёмка с русалкой вернулся, — восклицает Влад, когда мы выходим на берег. Подойдя к нам, протягивает два полотенца. — Только хвост где красавица потеряла? Или как это... в мультике. Променяла ноги на голос?

— Не променяла! — дерзко отвечает Адель и, заставив меня отпустить её на землю, принимает полотенце. О том, какие силы мне потребовались, чтобы выполнить её прось-

бу, я лучше промолчу. — Адель, — представляется, просушившись.

Моя охрана в одну секунду приносит мне сменную одежду, которую я захватил собой на отдых. Выбрав из этого свою футболку, протягиваю её малышке.

— Наденешь, чтобы не замёрзнуть, — говорю ей, ревностно взглянув в сторону парней, которые уже все глазами облобызали её аппетитное тельце. Никогда не нравились худые скелеты, а Адель сейчас стала как раз такой, как я люблю. И сейчас эти неандертальцы не могут оторваться от её ягодиц.

— Или чтобы на меня не пялились? — догадывается Адель и я, улыбнувшись, киваю. — Хорошо. Мне самой не очень это нравится.

— Умничка, — хвалю её. — Пойдём, я спрошу Влада, чем ещё помочь нужно.

— Я могу... пойти к девочкам, — показывает рукой в сторону стайки змеек, которая перешёптывается, глядя на нас.

— Нет, ты пойдёшь со мной, — властно заявляю, схватив её за руку и потащив в сторону стола с мясом. — Я тебя не для девочек на руках нёс. А для себя. Одного.

— А ты собственник, Тём, — отвечает, расхохотавшись звонко и искренне, как только она умеет.

— Есть немного, — отвечаю ей и встречаюсь с её голубыми глазами, которые смотрят на меня... и блестят. Как раньше. Слишком ярко, чтобы не улыбнуться и не влюбиться опять. Сильнее. — У тебя есть кто-то? Парень? Жених?

Муж?

— К чему эти вопросы? — спрашивает, миг погаснув.
— Я согласилась поехать с тобой не потому, что больше не с Димой и свободна. А потому, что соскучилась и всё ещё считаю тебя своим другом. Другом! И я не хочу совершить ту же ошибку, что с Димой. Мы друзья, Тём. Большого я не хочу.

— Так есть или нет? — повторяю вопрос. — Я просто спросил, Адель. Без контекста. Чтобы понимать, как ты живёшь. И не будут ли у тебя проблемы от нашего общения.

— Нет. Я одна, — смущённо отвечает, а затем поднимает глаза и робко интересуется. — А ты?

— Я один, — говорю, смотря в её глаза. — Не смог забыть тебя.

— Тёма!

— Я всего лишь сказал тебе правду. Она ни к чему тебя не обязывает, — произношу, наблюдая за тем, как она борется с желанием уйти или обнять меня. Накричать или выплакаться.

— Прости, — шепчет, отведя взгляд. — Но... я уже потеряла одного друга из-за слова люблю. Второй раз совершить такую ошибку будет то же самое, что признать себя

дико глупой. А я не хочу быть дурой. Понимаешь? Пусть мы и не общались пять лет, и я думала, что тебя потеряла. Ты всё ещё мой друг. Не хочу совершить ошибку.

— Или позволить себе быть счастливой с тем, кто тебя

действительно любит, — упрямо произношу, зная, что разозлю её. Она что-то вбила себе в голову и не может с этим справиться сама. Ей нужна моя помощь.

— Давай не будем сейчас об этом? Не будем портить встречу, — просит, стерев с щеки одинокую слезу.

— Хорошо. Как скажешь, — говорю и, приобняв её за талию, веду к столу с мясом, до которого мы так и не можем дойти.

— Тёма, у меня слишком много проблем после расставания с твоим братом. И пока я их всё не решу — новые отношения я себе позволить не могу. Давай просто быть друзьями, как прежде. Хорошо? Пожалуйста. Прошу тебя. Умоляю. Не сейчас.

— Адель, посмотри мне в глаза? — прошу её, развернув к себе лицом. И плевать, что все сейчас смотрят на нас. — Что ты видишь?

— Они красивые. Безумно. И ты смотришь на меня. Радостно. И счастливо.

— А я в твоих вижу печаль. Я сделаю всё возможное, чтобы её оттуда убрать. И меня совсем не волнуют способы, которыми я добьюсь результата. Моя мама всегда говорила: «Любовь и внимание лечат грусть и печаль».

— Тёма! — хнычет, но поддавшись непонятному порыву, кидается мне в объятия. — Пожалуйста! Не надо!

— Надо, — тяну и одариваю её улыбкой. — Один раз я уже тебе позволил сделать выбор. И к чему он привёл? Боль-

ше я тебе его давать не намерен.

— Какой же ты упрямый... — бросает, выпустив меня из своих объятий.

— Мне больше нравится целеустремлённый.

— А ещё и глухой, — отвечает, начав смеяться. — Я пока не готова на новые отношения, Тёма. Не с тобой.

— Что? Извини. Не услышал тебя. Я немного глуховат.

— Говорю, на отношения с тобой не готова сейчас, — повторяет.

— Что? Любишь меня безумно? Замуж за меня пойдёшь?

— Иди в баню!

— А я тебя люблю, — произношу и дарю ей поцелуй в лоб. — Иди к столу с мясом. Я сейчас подойду. Надо охране дать указания.

— Ещё и командир, — бурчит, и я, развернув её, хлопаю по ягодицам, отправляя в заданное направление. Ловлю её возмущённый и злой взгляд, который обещает мне очень многое. Сам же направляюсь к одному из главных моих телохранителей сегодня.

— Найдите мне всё на мою будущую жену. Передадите Гансу, и пусть он начинает. Особо рыть не надо, но я хочу знать всё о ней! И досье на моего брата. Подробное. На его жену тоже.

Я должен разобраться с тем, что же произошло за эти пять лет. Что за проблемы мой братец оставил малышке. Мне нужно знать, чтобы разобраться с ними.

— Будет сделано.

— Отлично, — шепчу, и немедля ни секунды, направляюсь к Адель, которая смотрит на меня подозрительно, но с такой широкой и искренней улыбкой. Поэтому я знаю одно — она будет моей. В этот раз точно.

— Малышка переросла в русалку? — шёпотом интересуется у меня Адель, откусывая огурец и широко улыбаясь. — А мне нравится, — признаётся и предлагает мне свой ломтик огурца, который я откусываю, глядя ей в глаза.

За несколько часов, проведённых вместе, я словно ожил. Улыбка не сходит с моего лица, чтобы мне не говорили, как бы язвительно одноклассники не шутили. Одна мысль, что Адель рядом со мной и, если я немного проявлю инициативу, она будет моей — такие мысли сводят с ума и медленно вырастают за спиной крылья.

Но пока я не сильно давя. Понимаю и знаю, что есть что-то, что останавливает её, поэтому боюсь перегнуть палку. Она будет со мной, а когда именно уже не имеет значения. Мы справимся с любыми тараканами в её голове.

— Что там за кокетливые перешёптывания? — весело интересуется одна из одноклассниц. — Что между двух, то вслух, — тараторит и, обняв мужа, ожидает ответ. Как собственнно и другие одноклассники

— Отстань ты от них, Тань, — бросается на нашу защиту Влад, подмигнув Адель. — Они только познакомились. Может быть, на наших глазах история вершится. Засидевшийся холостяк. Единственный в нашем классе ни разу не загнавший себя в эту брачную ловушку. Ну дай ему познать этот капкан женской пилы.

— Он уже на ней женится? — спрашивает Жанна. — Так она же молодая для него. Сколько ей? Восемнадцать, то есть?

— Так все они, богачи, таких любят, — вмешивается Ваня, но не чтобы обидеть или задеть. Так, шутки ради. — Молодых. Свежих. Активных, — дарит моей Адель улыбку, от чего она смущённо отворачивается, улыбнувшись мне.

— А ты девчонка, что? — обращается к Адель Жанна. — Готова стать невестой богача? Выбраться из нищеты? Сказка, да? Покинуть эту тухлую страну и уехать... где там Тёма сейчас обитает?

— Сказка — это когда у тебя любящий муж, тёплый дом, здоровые дети и никто не страдает, — уверенно проговаривает малышка. — А деньги... это так, бумаги, которыми можно себе немного помочь в достижении каких-либо планов. Но самое главное в этой жизни не купишь. Как и не продашь.

— Говоришь так, чтобы покорить нашего Тёму? — задумчиво глядя на неё, продолжает расспрос Жана. Не понимаю, чего она взъелась на Адель. Всегда была умной и хорошей девушкой. Так чего она сейчас? — Думаю, он уже такого на-

слушался. Скучно. И однообразно.

— Поверьте, купить себе бессмысленного тряпья, вкусной еды — я и сама могу. Я достаточно зарабатываю, чтобы обеспечивать и себя и свою семью.

— Да ладно! Ладно! — сдаётся одноклассница. — Верю! Проверяла я тебя просто. А то разозлился ещё. Уйдёшь. А этот, с влюблёнными глазами, — кивает на меня, — ... за тобой пойдёт. А мы его пока отпускать не намерены. Так что верим! Любим! И мешать не будем! Палатку отдельную если что выделим, но вы там это... потише и на крестины приглашите потом. Как свидетелей. И на свадьбу не мешало бы.

Все одноклассники и их гости начинают смеяться. Я бы тоже засмеялся или хотя бы улыбнулся, если бы не Адель, которая мигом после этой шутки погрустнела и отвела взгляд.

— Эй, ты чего? — спросил, прижав её к себе. — Они просто шутят. Никто тебя обидеть или расстроить не хочет. Что случилось? — заботливо интересуюсь, приобняв её и она поддаётся, словно этого и ждала.

— Извини, — возвращает своё внимание мне и дарит лёгкую улыбку. — Просто взгрустнулось немного. У меня такое бывает.

— Почему?

— Я сохранила кольцо, которое ты мне подарил тогда. Оно сейчас дома. Я боюсь его надевать на озеро, чтобы не потерять. Но я всегда его ношу, — весело рассказывает и убедившись, что мои одноклассники больше нами не интересу-

ются, тихо продолжает. — Ты тогда словно предвидел то, что будет между мной и Димой. И мне жаль, что я тогда выбрала его. Мне казалось, тебе нужна другая. Более взрослая и без всяких истерик и детской наивности. Зрелая, опытная и без всяких моих причуд. Дима же говорил сладко и складно. Я думала я ему подхожу, и он меня любит. А ты всегда знал... Жаль, что не послушала.

— Адель, не поздно сейчас поменять свой выбор, — говорю ей, обрадовавшись, что она сама завела эту тему. — Тем более сейчас нет никаких препятствий. Ты просто можешь довериться мне, и я верну все наши утраченные годы. И даже наверстаю больше, — подмигиваю ей, заметив, что её настроение возвращается. — И все эти годы мне нужна была именно ты. Моя малышка. Маленькая. Глупая. Красивая. Улыбчивая. Такая, что сердце замирает и хочется с моста прыгнуть, лишь бы унять эту дрожь, адреналин, безумства, бушующие во мне.

— Тём, — хныча начинает, и собирается отвести взгляд, но я не даю ей это сделать.

— Смотри мне в глаза и слушай, — прошу её строгим тоном и продолжаю, лишь когда понимаю, что зрительный контакт между нами прочный. — Ты моя. Всегда. Независимо от того, что было, будет и есть. Да, чёрт возьми, я готов прощать тебе всё. Выполнять любые твои прихоти. Если захочешь, мы сегодня же улетим куда-нибудь. Одни. Но главное вдвоём. Лучше на необитаемый остров, где кроме нас

только обезьяны и насекомые, которых ты так боишься. Ты будешь плакать и просить меня спасти тебя, а я как твой рыцарь, буду убивать паучков, — рассказываю и больно полужу локтем вбок. Но мне не больно. Я чересчур счастлив, чтобы чувствовать что-то другое. — Я заставлю тебя забыть обо всём, Адель. Если даже сейчас ты не любишь меня, то полюбишь немного позже. И поверь... мне даже не придётся стараться. Потому что ты чувствуешь что-то ко мне, иначе бы не пошла сегодня к моим друзьям.

— Прости...

— И я должен тебе ещё кое-что честно сказать: я рад, что у тебя с моим братом не получилось, — решаю начать с правды. Она будет со мной, потому что, не понимая этого, дала мне намёк, что жалеет о том, что выбрала не меня. — Я счастлив, что ты не с ним. Я готов руку ему пожать лишь за то, что он...

— Ты не понимаешь, что сейчас говоришь, Тёма, — шепчет, прервав меня. — И надеюсь, никогда не поймёшь.

— Так расскажи, что между вами было, Адель?

— Не сейчас, — кидает, оглядевшись вокруг. — Уже темно. Мне надо домой.

— Останься со мной? — прошу её, схватив за руку. — Прошу.

— Не могу. Я привыкла спать дома, — виновато отвечает. — Плюс ты же помнишь о моей аллергии на муравьёв.

— Точно, — выдыхаю, вспоминая, как эта мисс как-то се-

ла на муравейник, а потом меньше месяца боялась даже к окну подойти, чтобы мы с Димой не видели «этого безобразия», как она выразилась. — Тогда я провожу тебя. И ты расскажешь, что произошло между тобой и Димой. Хорошо?

— Я не знаю с чего начать, Тём, — произносит после длительного молчания. — Да и эти, которые сзади нас идут и подслушивают — доверия не внушают, — бурчит тихо, покосившись на охрану.

— Из них русский понимают лишь двое, — успокаиваю её. — Один из них спереди, а другой сзади. И им всё равно на то, что ты будешь говорить. Их беспокоит не твоя личная жизнь, а наша с тобой безопасность.

— Ну ладно, — сдаётся и начинает рассказ. — Как я уже говорила, Макс отправил Диму в командировку в Финляндию, присматривать за тем, как там работает филиал компании. Дима прилетал довольно часто. В эти дни мы гуляли сутками напролёт, готовились к свадьбе и ничего не предвещало беды. Конечно, мне говорили, что там у него то одна девушка, то вторая, но я старалась не верить. Думала наговаривают. Дурочка была, что сказать, — печально усмехается, не решаясь поднять на меня взгляд. — Всё было так хорошо. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. И в один день, когда я набрала его, услышала женские стоны, его имя, которое

она стонала и... не будем. В общем, он изменил мне. Было ужасно и плохо. Первые несколько дней я не могла прийти в себя. Но потом... я пережила измену, — наконец смотрит на меня и дарит ободряющую улыбку. — Свадьбы не было. Отменила. Нике и Макс я ничего не сказала. Было стыдно, да и не хотела Диму подставлять. Дима позже сам им объяснил причину. Мы сидели вчетвером и обсуждали это. Как Ника и Макс на него ругались! Ты бы слышал... ужас! Передо мной извинялись, только в чём их вина? Они ведь не виноваты, что он гулёна. Да и я об этом знала. Должна была понимать, на что иду. Но... я слепая курица. Напялила розовые очки. И думала это любовь... а это зависимость, как говорит мой психолог сейчас.

— И всё? После того случая вы не общались?

— Общались, — виновато отвечает. — Я его простила. Но просила остаться просто друзьями. Только... наше дружеское общение незаметно стало вновь кокетливым и слишком откровенным. Два года переписывались, ведь Макс сослал его в Финляндию, так как жутко разозлился на него. Мы общались по видеосвязи. Когда он приезжал, целыми днями были вместе, но ничего такого не было. Только в один день... последний день. Он поцеловал меня. И мне показалось, что я вновь его люблю. Готова простить всё. Только он тогда не обещал. Уехал в Финляндию, а я осталась.

— Ты надеялась, что всё вернётся? Даже несмотря на то, что прошлый раз он тебе изменил?

— Не надо меня осуждать, Тём, — просит расстроенно. — Тогда мне казалось, что я всё делала правильно. Уже ничего не изменить. После этого поцелуя и моих глупых надежд, там, в Финляндии, он познакомился с девушкой. Не знаю, рассказывали тебе или нет. Дима с байка упал и сломал ногу. Лежал в больнице и сказал, что влюбился в медсестру. Я была за него рада. Хотя и чувствовала себя вновь преданной. Но ведь Дима в этот раз ничего мне не обещал. Когда звонил — он только о ней и говорил. Ревновала я жутко, но старалась не показывать этого. Со временем общение спало на нет. Мы не контактировали несколько месяцев. А потом он позвонил и сказал, что прилетает завтра. И я ему очень нужна. Побежала сразу же, потому что скучала. Он рассказал мне о том, что женился на этой медсестре, как только выписался. У неё две

дочери и это идеально для него, бездетного. Но потом он сказал, что она изменила ему. Он не смог простить. Они развелись.

— Я даже не слышал об этом, — рассказываю.

— Не знаю, Тёма. Я сама узнала об этом с его слов. И брак продлился недолго, — пожимает плечами, а затем продолжает рассказывать. — В тот вечер он жутко напился и, если бы не я, обокрали бы его. В общем, не суть. Но во время пьяного бреда, начал говорить, что любит и заверял, что всегда любил, а другие для него лишь замена меня. Просил начать всё заново. Поцеловал и... Первая неделя была сказкой. Я

безумно соскучилась. Да и Дима, казалось, был другим. Вырос. Стал серьёзнее. Внимательнее. Говорил очень красиво и так, как я хотела.

— И вы начали встречаться?

— Да. Во второй раз, — говорит и начинает хохотать. — Он сделал мне предложение, вновь. Просил принять его немедленно. Сейчас же. Но я не могла. Он требовал слишком много. Полететь с ним в Финляндию чуть ли не в день свадьбы. Стать его женой в этот же день. Бросить учёбу, семью, родных. Бросить всё. В один день. Ты ведь понимаешь, что это слишком поспешное решение и его не принимают в один день? По крайней мере не я. Я просила его подождать несколько месяцев, пока я не получу диплом об окончании обучения. Но он был категоричен. Ему нужно было прямо сейчас.

— Понимаю, — я приобнимаю её, слушая, словно это всё не за пять лет произошло, а за целую жизнь. — Ты отказала.

— Я сказала, что подумаю. Мы ругались. Он кричал на меня. Срывался и однажды даже... — говорит, а затем замолкает, прикрыв рот ладошкой, словно он сам дальше будет говорить и выдавать тайну. — Я не понимала, почему он так злится на меня. Почему кричит, когда видит с одноклассниками и ведёт себя так грубо со мной. Почему ревнует, если я не даю ему повода для ревности? В итоге в одну из ссор я послала его и отказалась от его предложения. Он ещё что-то кричал обидное в спину, но мне было всё равно.

Я не готова так резко менять жизнь из-за человека, который уже однажды меня предал.

— Адель, не плачь, — прошу, заметив слёзы на её щеках.

— Извини. Слёзы мне неподвластны. Я больше не могу их контролировать, — признаётся. — Просто слушай. В следующий раз мы встретились на моё двадцатиоднолетие. Дима прилетел тогда зачем-то. Он как всегда спросил, чего я желаю. Я сказала — найти себя. К слову, моё желание исполнилось, — это она говорит с улыбкой. — Но не это главное. Я впервые выпила в тот день. С ним. Меня штормило, было весело с ним. Но больше я пить не собираюсь. Я думала он вернулся ради меня. Ведь я сожалела о том, что сказала тогда «нет». Понимала, что права, но можно было ведь найти компромисс. Думала, он пришёл сказать, что готов ждать. Остался всего месяц до окончания обучения и уж месяц не такой большой срок. И он сказал всё точно так, как я хотела. Сказал, что готов ждать и будет рядом сколько нужно. Говорил красивые, лживые и гнилые слова, в которые я поверила. Но потом я узнала, что он женат на Габи. И разводиться с ней не намерен, — говорит, но голос её становится истерическим, и она чуть ли не хохочет.

— Кажется, он в детстве не наговорился, — тихо заключаю. — Столько всего тебе наговорил... Язык интересно, не отсох?

— Не отсох, — выдыхает. — Как видишь, в прессе то и

дело: «Дмитрий сказал...», «Дмитрий уверил...»

— И это всё, что было между вами? Немало...

— Это коротко, — отвечает, натянув улыбку. — Краткий пересказ моей жизни.

— И всё же я не вижу пока в этом рассказе тех «проблем», от которых ты должна избавиться и лишь потом начать новые отношения.

— Тёма, я же девушка, — восклицает, отводя глаза. Врёт.

— Мы всегда из маленькой беды делаем большую.

— Ты что-то скрываешь, Адель. Я знаю, — серьёзно проговариваю. — За эти годы я не разучился узнавать, когда жулишь и уходишь от темы. Поэтому я хочу знать всё.

— Я не могу тебе всего рассказать, Тёма, — заговаривает почти шёпотом. — Никому не могу. Даже моя мама не знает, а ты хочешь, чтобы я на тебя взвалила всю тяжесть прошедшего года. Он сделал мне больно, когда я узнала, что он женат на одной, а слова «люблю» говорит мне. Когда врёт и одной и другой. Понимаешь?

— Как он сделал тебе больно, Адель?! Скажи! Прошу тебя...

— Нет! — уверенно произносит. — И мы закрыли тему. Ты хотел знать, что было между нами? Я ответила. Если тебя больше не интересуют другие темы для разговора, то ты можешь сейчас же вернуться к друзьям. Я больше не намерена говорить о Диме. Я его ненавижу. И хочу, чтобы он исчез навсегда из моей жизни, воспоминаний и разговоров. Я не

говорила о нём последние полгода. Но ради тебя решила открыться. А ты сейчас заставляешь меня дальше причинять себе боль...

— Прости, — виновато заговариваю. — Я больше не буду. Ты права, забудем о нём. Он не должен больше нас с тобой волновать. Давай сменим тему, малышка? Ты отучилась? Теперь ты ветеринар? — закидываю её вопросами, пытаюсь поднять ей настроение, но мы оба понимаем, что не так это делать надо.

— Да, отучилась. Но не на ветеринара. В конце поняла, что не смогу убить животное. Копаться в их органах. Я стала повелительницей собак, — шутливо отвечает. — Почти красный диплом. Зоопсихологию завалила из-за своих принципов не давать деньги. Стоило, наверное, дать... Хотя какая разница. Если я не работаю по специальности.

— Я тоже в университете принципиальным был, — припоминаю, поняв, что эту принципиальность Адель переняла у меня. — Всё правильно сделала. Знания важнее оценки.

— А ты... — начинает, а затем робко опускает глаза вниз. — У тебя там были серьёзные отношения?

— Нет, — отвечаю, улыбнувшись от мысли, что её всё же интересует моя личная жизнь. — Была Катарина, но мы не встречались и всё же, для галочки, расстались. Мой разгульный образ жизни не позволял мне завести постоянную девушку, — отвечаю, наблюдая за тем, как вытягивается её лицо.

— Тёма?! Ты что стал бабником? — шокировано восклицает. — О боже! Я не могу поверить! Ты... бабник! Ого! Это же то же самое, что сказать, что я президент!

— Я был и есть влюблённый идиот, Адель, — произношу, хохоча от её выражения лица. — Я не хотел обманывать других. Быть с одной, а любить всегда другую. Это нечестно по отношению к первой. Да и не железный я, малышка. Иногда для своего психологического равновесия надо расслабляться.

— И ты... так спокойно мне об этом говоришь? — удивлённо интересуется. — Ты мне только что в любви клялся? Говорил, что я у тебя из головы не выходила. Всё было жутко романтично, а тут: «Привет, Адель! Я бабник! Выйдешь за меня? Я люблю тебя!»

— И? — вздёргиваю бровь. — Я не врал. Всё чётко и по делу.

— Обычно мужчины такое скрывают, Тёма, — со знанием дела говорит она. — А-ля, они принцы, которые ждали свою принцессу и хранили себя для одной-единственной. Или бывают властные герои, которые хряк за волосы и такие: «Ты моя! У меня до тебя была куча девушек, но я хочу именно тебя!» На последних ты не катишь, извини. Слишком добрый и благородный. Поэтому...

— Я не принц, малышка, — со смехом заявляю. — Я твой будущий муж, а ты моя будущая жена. А от жён такие секреты иметь не стоит. К тому же, тебе обязательно кто-то рас-

скажет об этом, когда ты поедешь посмотреть, как я живу. Чтобы понять, хочешь ли ты там остаться или нам что-то другое искать, — ловлю её скептический взгляд и подмигиваю, говоря, что именно так всё и будет. — Лучше тебе об этом скажу я. Честно и в лицо, пообещав, что буду верен тебе. Чем кто-то другой, кто придёт и расстроит тебя. Ты начнёшь накручивать себя, как ты сказала, вы девушки любите. И это может привести к скандалу. А оно нам надо?

— Ты ненормальный, — тянет, но улыбается так широко и мило, что сейчас я готов быть хоть сумасшедшим, хоть больным. — Ты знаешь об этом?

— Догадываюсь, — в тон ей тяну и притягиваю её к себе, чтобы посмотреть в её глаза и напомнить. — Я не идеален, малышка. Мир не идеален. Пусть моя не идеальность будет в этой ненормальности, — наклоняюсь к ней, замечая панику в её глазах.

— Мой дом. Мне пора, — поспешно выпаливает и пытается уйти от поцелуя, но я и не думал целовать её. Хотел напомнить, воскресить чувства. А поцелует она меня сама, когда будет готова. И даст мне сигнал действовать.

— Я могу завтра за тобой заехать? — спрашиваю, отпуская её, но всего на полшага. — Поедем, погуляем?

— Извини. Я не могу, — без капли вины отказывает. — Завтра надо к бабушке поехать и продуктов ей отвезти. Дедушка после операции, а бабушка страдает частыми головокружениями, поэтому в магазин сама выйти не может. Хлеб

соседка привозит, а остальное мы. Поэтому раз в неделю мотаемся и помогаем по хозяйству.

— Утром поедешь? — уточняю.

— Да, — кивает. — Электричка в семь утра. Вернусь, наверное, поздно. На последней электричке. Может, послезавтра встретимся? — неловко предлагает.

— Хорошо, — соглашаюсь, делая мысленно пометку в своём блокноте. Приподняв её лицо за подбородок, смотрю в её глаза и выдыхаю всего одну фразу: — Спокойной ночи, малышка! — наклоняюсь к её губам, но в последний момент дарю поцелуй в щеку, чем оставляю Адель капельку недовольной и расстроенной.

«Для первого свидания и такого поцелуя хватит. Захочешь большего — целуй сама. Я напирать не буду. Сама просила».

— Пока, — бросает и, резко развернувшись, уходит в сторону подъезда. По её шагам понимаю, что злая, но я лишь улыбаясь смотрю ей вслед, точно зная, что будет дальше. Одна секунда. Она разворачивается. Также злась, идёт ко мне и, не говоря ни слова, коротко целует меня в губы.

Слишком быстро, чтобы вспомнить их вкус. Слишком сладко, чтобы не начать мечтать о новом и куда более продолжительном. Слишком долгожданный, чтобы отпустить её вновь. Слишком личный, чтобы не захотеть выполнить любую её прихоть. Слишком злой, чтобы почувствовать мягкость её губ.

— Так-то! И не думай, что я согласилась на отношения с тобой. Просто благодарность за вечер и за то, что проводил... И вообще, такие поцелуи в губы, не интимные, не считаются! — пытается оправдать свой злой порыв, который я думал наступит немного позже. Но я не против и сейчас.

— Да-да, я так и понял, — тяну, а она, вся красная, уходит. В моей футболке. Безумно красивая. И всё в ней идеально... Эх, жаль, что нельзя её сейчас закинуть на плечо и увезти куда глаза глядят! Точно скажет, что ненормальный... Моя девочка.

Глава 5. Малышка

Аккуратно сложив в небольшую сумочку всё необходимое: кошелёк, дебетовую карту, телефон, паспорт и, на всякий случай, наличные, застегнула молнию. Присела на дорожку и лишь затем вышла из дома, аккуратно закрыв дверь, чтобы не разбудить младшего брата.

Если честно, самой хотелось бы немного поваляться, но надо ехать к бабушке и дедушке, которые уже с утра не спят и ждут меня. Бабушка окрошку приготовила, а дед рыбку на огне. Говорила, чтобы не волновались, и я сама что-нибудь приготовлю, но нет же. Они же гостеприимные. И ничего, что я, после прошлого визита, с трудом лишние два килограмма скинула.

Нажав на кнопку открытия дверей подъезда, стала запикивать ключи в сумочку, как вдруг меня кто-то окликнул:

— Адель!

— А? — тут же подняла голову и столкнулась с улыбающимся Тёмкой, который смотрел на меня сейчас, как мой кот на очередной пакетик мокрого корма. — Тёма? Что ты здесь делаешь? — спросила его и, подняв часы, уточнила время. — В семь утра?

— Тебя жду, — ответил и его улыбка стала ещё шире. — Что ещё я могу делать у твоего дома?

— Ну кто тебя знает? Может, забыл обратную дорогу к

друзьям, — пожала плечами. — И всю ночь стоишь, ждёшь доброго человека, который её тебе подскажет.

— Доброе утро, малышка, — отозвался и, открыв машину, достал из неё два купленных стаканчика с кофе. — Бери и садись.

— Что? — непонимающе переспросила и на всякий случай напомнила. — Мне к бабушке надо, Тём.

— Я знаю, — кивнул. — Забьёшь в навигаторе адрес и поедем.

— Ты что, со мной решил поехать? — удивлённо уточнила.

— Ещё вчера, когда ты сказала, что собираешься, знал, что с тобой поеду. И моё решение оспариванию не подлежит, — добавил, когда я открыла рот, чтобы возразить. — Кстати, бабушка с дедушкой сказали тебе, что надо купить? Список дали или вы сами на своё усмотрение покупаете?

— Бабушка вчера маме продиктовала, — ответила, похлопав себя по карману. — Но я сама всё куплю. Ехать — поезжай, но не больше.

— Дай его просмотреть, — попросил, и я, достав список, протянула его Тёме. Сама забрала кофе и направилась за ним, когда он с моим списком пошёл к багажнику. — Вынужден тебя огорчить, Адель. Я уже всё купил, — протянул и открыл багажник, в котором лежали несколько сумок с продуктами. — Ага, яблоки есть, — начал сверяться... — Сахар, ага. Мука... Зачем твоей бабушке

«вода из-под селёдки»? — удивлённо посмотрел на меня и скривился.

— Кхм, не спрашивай, — смущённо улыбнулась. — Не отвечу.

— Ладно, — выдохнул и продолжил дальше изучать список и свои покупки. — Из всего этого списка я не купил только хлеб. Я его не ем и как-то вылетело из головы. А ещё у меня нет «воды из-под селёдки». Адель, зачем?

— Это надо увидеть, Тём. Иначе не поймёшь, — ответила, расхохотавшись. — Но зато у тебя целый багажник всего, что можно и нельзя, и это покруче «воды из-под селёдки». Зачем ты столько накупил? Сколько я тебе должна? — задала вопрос и потянулась к кошельку.

— Должна... — начал и обернулся к пакетам, став что-то считать. — Должна целовать всю жизнь. Меня одного. Нежно и любя.

— Тёма! Не шути так! Скажи сколько и я тебе отдам!

— Упёртая какая, — вздохнул и сдался. — Ничего не должна. Я всё это купил, чтобы порадовать тебя и твоих бабушку с дедушкой. Знаешь, к будущим родственникам лучше с подношениями ехать. Тогда примут мягко и радушно.

— Ты неисправим, мой друг! Но спасибо, — решила сдаться. Его и раньше переспорить нельзя было, а сейчас тем более. — Кстати, бабушка сливы очень любит, — глазами указала на них. — Большое спасибо. Это очень мило и приятно с твоей стороны так мне помочь. И ты правда меня по-

радовал, — подошла к нему и решительно потянулась к его щеке, которую тут же поцеловала, а затем отстранившись, улыбнулась. — Я всегда хочу купить им очень много всего, но без машины это сложно сделать самой. В два пакета это не уместить. Да и тяжело.

— Давай, иди, садись в машину, — поторопил он меня, обдав теплом своего голоса и выражением лица. — Поедем и по дороге поблагодаришь, как хочешь и сколько хочешь. Но я рассчитываю ещё на несколько поцелуев.

— Тёма, — решительно начинаю, когда он выруливает от моего дома. — Я должна тебе кое-что сказать, — вздыхаю и лишь тогда продолжаю, собравшись с силами, ведь говорить такое непросто. — Мне приятно твоё внимание и забота. Я понимаю, что ты пытаешься ухаживать и всеми возможными способами доказываешь свои серьёзные намерения. В любой другой ситуации я бы уже пищала и радовалась этому. И давно бы согласилась. Но... сейчас нет! Извини, — закрыла глаза и попыталась успокоиться. — Забудь. Извини!

— Адель, успокойся, — он берёт меня за руку и пытается утихомирить моё дикое сердцебиение, но от прикосновения оно, наоборот, разгоняется в сотни раз. — Ты права, и я правда ухаживаю и показываю свои серьёзные намерения. Понимаю, что где-то тороплюсь и давяю на тебя. Но я не могу иначе. Я прилетел в Россию всего на неделю и скоро улетаю обратно. Мне крайне важно, чтобы за это время ты если не согласилась поехать со мной, стать моей женой и завести

семью, то хотя бы полюбила и осознала свои чувства ко мне. Я знаю, что они есть. Ты вчера поцеловала меня сама. Не отрицай очевидное.

— Да, — признаюсь. — Мне захотелось. Очень. Потому что рядом с тобой я вновь та маленькая девочка. С тобой спокойно и безопасно рядом. Мне нравится это чувствовать. Я давно перестала ощущать себя прежней. Хочу себя обратно...

— Вот. Это уже начало, — он сжимает мою руку и подносит к губам. — И мне это нравится. Дальше будет больше. Понимаю, что я не успею за эту неделю полностью тебя убедить в своих искренних чувствах, но зная, что ты тоже равнодушна ко мне, я буду искать время, чтобы прилетать к тебе. А в один день, ты сама полетишь со мной. И это будет самый счастливый день в моей жизни.

— Ты романтик, Тём! И знаешь... я тебе верю и всегда верила. И я знаю, что ты мной не играешь. Не мстишь. Не злишься. А должен вообще-то. Я тебя предала. Очень жестоко... как ты можешь меня любить после такого?

— Нет, Адель, — его голос становится одновременно ледяным, но нежным. — Предал меня брат, а не ты. Ты пришла и сказала мне тогда в лицо, что выбираешь его. Умоляла о связи. А Дима предал нас двоих — не дав нам общаться, хотя вы были и не вместе. Он мог мне сказать и тогда я сразу же забрал бы тебя. Мы столько времени потеряли, Адель, что сейчас я хочу его прибить! Я столько страдал, а он даже

не намекнул.

— Он другой сейчас, Тёма. Совершенно другой: злой, обиженный на мир, одинокий и глупый. Думаю, его тоже судьба чем-то обидела жестоко.

— Она его наказала за все грехи, Адель. А их немало, поверь! Ника и Макс особо его не баловали. Не понимаю, почему он стал таким, — Тёма пожимает плечами, и правда задумавшись, отчего его брат стал таким жестоким ко всем. — Но давай не о нём?

— Давай, — быстро соглашаюсь. — Я хочу больше узнать о тебе и о том, чем ты занимаешься? Ты ещё рисуешь?

— Рисую, — отвечает и отчего-то начинает улыбаться. — У меня есть спальня. В ней очень старая кровать и мольберт. Больше ничего. Почти пустая комната. Я никого туда не пускаю, потому что рисовал там каждую свободную минуту и каждый раз, когда в голове была ты. А ты всегда была там. Однажды, когда ты приедешь ко мне, я покажу эту комнату тебе. Одной-единственной и больше никогда туда никого не пущу. Ты не захочешь из неё выйти, — обещает и неожиданно начинает смеяться. — И не потому что там будет кровать и я. Просто не захочешь. Там слишком личное. Там вся моя любовь к тебе.

— Мне уже интересно, — отвечаю. — И правда, больше никого непустишь?

— Только наших сыновей. Чтобы они научились любить кого-то точно так же, как я тебя... наших дочерей, чтобы

они понимали, как должен любить мужчина. Это комната полна любви к тебе, и я хочу нашим детям то же самое. И кажется, мне стоит закончить её, ведь скоро мы переедем туда. А потом... приступим к нашим наследникам... Я хочу много. Адель! От тебя!

— Тёма, — окликаю его, сдерживая слёзы. — Не стоит торопиться. Это всё... Слишком хорошо и красиво, но давай не будем? Можно я полежу немного в тишине?

— Тебе плохо? — спрашивает и я оборачиваюсь к нему, попав в капкан его обеспокоенных глаз. Которым я небезразлична. Которые принадлежат человеку, который меня никогда не обидит. Будет любить. И поверит мне, а не другому чужому человеку.

— Нет, Тём, — уверенно произношу и на губах расцветает улыбка. — Мне хорошо. С тобой мне больше, чем просто хорошо. С тобой я в раю...

— Бабуля! — восклицаю и вылезаю из машины, пытаюсь казаться спокойной и словно то, что я сейчас приехала на дорогой машине в сопровождении ещё трёх, само собой разумеется. Ничего такого. И даже красавчик-водитель так, мелочь. Пустяки, которые не стоят особого внимания.

Подойдя к ней, обнимаю, делая вид, что не заметила её любопытного взгляда, направленного на Тёму. К сожалению,

в то время, когда я дружила с Тёмой и Димой, бабушка жила в другой стране и о моих друзьях лишь слышала. Хотя Диму она видела.

— Деда, — перехожу на второго прародителя, пока Тёма открывает багажник. Отпустив дедушку, возвращаюсь к другу, чтобы помочь выгрузить продукты, но меня почти сразу же останавливают.

— Адель, я справлюсь сам, — произносит Тёма. — Охрана, если что, поможет. А ты обнимай бабушку с дедушкой. Потом представишь нас, — командует и я оборачиваюсь к бабушке, не в силах убрать улыбку. И даже не сопротивляюсь. Мне в машине показали, кто в нашем дуэте лидер, а кто должен слушать, улыбаться и казаться китайским болванчиком. Ну и пусть! Мне даже нравится подчиняться Тёме.

— Может в дом пойдём? Покажем куда и что положить? — спрашиваю бабушку. — Пойдём, дедуль? — спрашиваю и у него, пытаюсь сгладить ситуацию и мне даже удаётся это сделать.

— Пойдём, — соглашаются и мы дружной компанией из моих бабушки, дедушки, меня и Тёмы, а ещё двух охранников входим в квартиру.

Родители моей мамы живут за городом в двухэтажном доме, состоящем из нескольких квартир. Уютно. Зелено и свежо. Единственное, что плохо — до города и, следовательно, магазина, далековато, а автобус редко ходит.

— Бабушка, дедушка, познакомьтесь, это Артём, — начи-

наю, когда охрана выходит и мы вчетвером остаёмся в квартире, неловко стоящие в коридоре. — Артём, это моя бабуля Зинаида и дедуля Фёдор.

— Рад знакомству, — тут же отзывается Солнцев и первым пожимает руку дедушке, а затем мило улыбается бабушке.

— И кто же ты, Артём? — подозрительно начинает бабушка и я её одёргиваю, прокашлявшись.

— Будущий муж вашей внучки, но она пока принимает решение, — деловито заявляет мой «муженёк будущий». — На данный момент ожидаем положительный ответ.

— Тёма!

— Нервная она у вас, — заключает он и бабушка, словно фашист, продавший меня за пакеты с продуктами, его поддерживает:

— Не то слово! Нервная, жуть! Я ей говорю всё близко к сердцу не принимать, а она... — заводит она шарманку, и Тёма кивает, поддерживает. Спелись значит? Ну-ну! — Чего мы стоим, Артём? Пойдёмте! Я окрошки приготовила! Вы ведь едите окрошку?

— Признаюсь, последний раз домашнюю ел в детстве, когда мама ещё была жива, — говорит спокойно и я печально усмехаюсь. Больше не грустит. Отпустил её. Слава богу! — Потом как-то в ресторане заказал и не то.

— У меня домашняя! Самая что ни на есть домашняя. Утром с Федей приготовили. Нарезали. Охолодили. А ваши

эти... — намекает она на охрану. — На улице которые, может тоже есть хотят? Если что, у меня кастрюля огромная и... можно и их накормить. Стол только не очень большой и придётся по очереди.

— Я спрошу их.

— У меня рыбка ещё есть, — включается в их разговор дедушка. — Можно и рыбкой всех угостить. Свежая! Только вчера наловил! У нас здесь сейчас сезон как раз!

— А меня все забыли... — тихо шепчу им вслед. — Променили внучку на миллионера, — добавляю и спешу к ним.

Бабушка доверяет мне разлить окрошку по тарелкам, а сама продолжает расспрашивать Тёму, что, где, как и почему. Друг держится стойко и кажется его совсем не пугает и не напрягает бабушкино любопытство. Отвечает спокойно, размеренно, порой шутит. И этим он покоряет мою бабушку. Бьёт в самое сердечко. А дальше бабушка точно начнёт планировать нашу свадьбу. Думаю, этого Артём и добивается. Хитрый и продуманный стал.

Но окончательно Тёмка привораживает мою прародительницу, когда вызывается помочь с крапивой перед домом, лично скосив её под присмотром дедушки.

— Адель, признавайся, — начинает бабушка, сидя рядом, пока я мою окно. — Откуда у тебя мальчик появился? Мы же недавно только говорили и никого не было. Где успела найти за несколько дней и такого хорошенького?

— Мы давно знакомы, ба, — выдыхаю, взглянув на Тёму.

— Давно? И почему вы тогда до сих пор не вместе?

— Он за границей живёт, — отвечаю, зная, что расспросов не избежать. — Да и мы потеряли общение на несколько лет. Вчера встретились и вот...

— И он замуж зовёт уже?

— Зовёт, — киваю и, отложив тряпку, спускаюсь. — Говорит, что любит и не только...

— Подозрительно быстро что-то...

— Он мне это и пять лет назад говорил, но тогда... я выбрала его брата. Диму.

— Это брат Димы?! — удивляется, громко воскликнув. — Ты шутишь! Совсем непохож! Да и посмотри на него! Тот богатым сопляком был! А этот может и богатый, но свои деньги сам заработал! Своим трудом. И сейчас косит крапиву, косу деду не на секунду не отдаёт. Трудяга! Мужчина! Да ты шутишь! Совсем же разные... Хотя мать твоя и сестра её, тоже не очень похожи.

— Он такой был всегда, бабуль! Добрый и всем помочь хочет.

— Нравится он тебе?

— Нравится. Очень.

— Так чего он тогда ждёт твоего ответа? Этот парень намного больше достоин быть с тобой, чем его брат. Помнишь, Дима с тобой приезжал? Они с твоим дедом пошли картошку садить. Покопал немного, да и устал, — рассказывает, но я и сама это видела и поняла. — И впечатлить он тебя хотел

одну. Ему наш огород и помощь старикам не нужна. Хвостом своим павлиньим покрутить перед тобой хотел. А Артём этот не вырисовывается. Делает, потому что помочь хочет. От души! Может, и тоже хвостом крутит, да только он мне больше нравится. Настоящий он какой-то. Живой. Свой. Ни разу не оглянулся посмотреть смотришь ты или нет, — от её слов на глаза слёзы наворачиваются, потому что знаю: права! — Да и ты, глупая моя, улыбаешься. Опять... Как я давно не видела этого в тебе. Ты же за год будто потухла.

— Бабуль, я боюсь.

— А ты бойся и иди вперёд! Иначе так и будешь всю жизнь жить и бояться. Думаешь, я не боялась, когда после того, как меня жених перед свадьбой обидел, выходить замуж за твоего деда? Или после того, как мне сказали, что у меня малыш может больным быть, пошла рожать? Люди всю жизнь чего-то бояться и это нормально! Надо все страхи перебарывать.

— Бабушка, я боюсь предательства. И хоть знаю, что Тёма не предаст... страх где-то здесь, — тычу пальцем в сердце. — Он съедает меня.

— Где? — спрашивает и накрывает мою руку своей. — Твой страх здесь, Адель, — показывает на голову второй рукой. — И это маленькое, почти ненужное чувство, занимает много места в твоей голове. Вытолкни его оттуда и дай места, чтобы узнать этого парня лучше. И знаешь... я больше

чем уверена, что ты его полюбишь так сильно, что потом будешь корить себя даже за день сомнений.

— Бабушка, это слишком быстро. Мы только вчера встретились и соглашаться на замужество? Отношения? Быстро это очень!

— Ничего не быстро, глупая моя! Не терять время, зная, что будешь счастлива — самое умное решение, — заключает она. — На свадьбу можешь не соглашаться, раз быстро, а вот узнать его лучше, гулять с ним и общаться как с мужчиной — лучше с

этим не тяни. Сама жалеть будешь. Любит он тебя, ты его полюбишь и будете вы счастливы. А время терять не надо! Поверь мне, старой женщине. Он тебя добьётся рано или поздно. Упрости ему задачу и вместо всех этих ненужных игр займитесь чем-то полезным.

— Думаешь... стоит рискнуть?

— Да, Адель. Стоит. Артём — мужчина видный, взрослый, понимающий и главное, рассудительный. Именно этого не хватает тебе, милая. Он поможет тебе справиться со всеми бедами, если ты будешь открыта ему и не будешь молчать.

— А если обожгусь?

— То на то воля господа. От судьбы не уйти. Если написано на пути предательство, то оно будет. А если нет, то не встретишь, — она приобнимает меня и продолжает. — Не бойся. Всё будет у вас хорошо. А сейчас иди. Отнеси ему воды. И скажи, что чувствуешь.

— Да, — решительно встаю и направляюсь к бутылке с водой, отметив, что он наполовину пуст, как и другие. Набираю в кружку воды и направляюсь к человеку, которому вновь доверюсь. Второй раз в жизни. Но надеюсь, в этот раз меня не сломают.

— Тёма, вода, — окликаю его и одариваю его улыбкой. — Держи, — протягиваю кружку, на секунду залюбовавшись наполовину обнажённым телом.

Красив! Чертовски красив!

— Спасибо, — благодарит, приняв напиток, который залпом выпивает. — Самая вкусная вода — это желанная и в такую жару, — произносит, отдав кружку.

— Ты закончил?

— Да, — кивает. — Ещё пообещал твоему дедушке сходить на рыбалку. Мы можем на денёк остаться у твоих? У меня никогда не было своих бабушки и дедушки. Это так необычно и так круто на самом деле. Он меня внучком называет и тебя нахваливает. Хотя я и сам знаю, что ты самая лучшая, — подмигивает и я смущаюсь ещё сильнее. Но от своей задумки отступить не намерена. — Остаёмся?

— Эмм, хорошо, — пожимаю плечами. — Тёма, у меня тоже просьба к тебе есть. Две.

— Хмм, интересно, — тянет, внимательно посмотрев на меня. — Какие?

— Мы можем на родник съездить? Набрать воды бабушке с дедушкой. Обычно папа на машине набирает все бутылки,

а если нет, то бабушка каждый день сама с пятилитровой ходит. Мы можем съездить? На твоей машине? Тут недалеко.

— Пфф, конечно! Сейчас косу в сарай уберём и поедем,
— говорит, указав на инструмент в своей руке. — А вторая какая?

— Поцелуй меня...

\

— Извини, что ты сказала? — недоумённо переспрашивает, вероятнее всего, не поверив своим ушам. Я бы и сама не поверила, если бы не с моих губ слетела эта слегка неприличная просьба. Но мы ведь не маленькие дети, чтобы играть во все эти игры с покорением, соблазнением и кокетством. Да и времени у Тёмы, как он говорит мало. Надо действовать! Идти вперёд! А там будь что будет! Предаст — значит так суждено.

— Говорю, пойдём, косу отнесём вместе, — нагло вру, давая ему это понять своей широкой улыбкой.

— Нет, ты сказала что-то другое, — прищуривается, делая шаг ко мне, пытаюсь понять, не обманул ли его слух.

И он такой милый в этот момент. Больше обычного. Так и хочется обнять его, сказать, что хочу быть с ним. Потому что рядом с этим, казалось бы, взрослым, почти чужим мужчиной — я становлюсь маленькой. Прежней. Беззаботной и главное — целой. Внутренне и внешне.

— Совсем не понимаю о чём ты, — игриво произношу, отступая, намеренно дразня его. — Но если догонишь, то так

и быть готова выслушать твою версию, — кокетливо продолжаю, хлопая глазками.

Развернувшись, делаю всего один шаг бега и меня ловят сильные мускулистые руки отныне моего мужчины. Как звучит-то. Раньше я говорила «мой парень, мальчик», но Тму мальчиком или парнем уже не назовёшь. Он именно мужчина. Не знаю, где находится грань и как её описать, но рядом с Темой она ощутима.

Меня ловят слишком быстро и скоро. Быстрее, чем мне хотелось. Не давая поиграть с ним и подразнить его. А так хочется, если честно. Веселиться с кем-либо, как раньше. Чувствовать себя живой. Понимаю, что момент не тот, и всё же...

— Адель, мне ведь не показалось? — спрашивает Тема на всякий случай, развернув меня к себе, внимательно заглядывая в мои глаза. — Ты попросила поцеловать тебя. Так ведь? Я не ослышался?

— Ты стал ещё красивее, Тём, — выдыхаю вместо ответа. Поднимаю руку к его лицу, чтобы ощутить ладонью его слегка колючую щетину. Всё то время, что мы провели в дороге, мне жутко хотелось поколоть свои пальцы об неё. Как вчера на озере. Мои руки всё время тянутся к нему. — Очень красивым. Тебе идёт взросление, — продолжаю и резко подняв на него глаза, со всей серьёзностью интересуюсь. — Зачем ты заставляешь меня ждать? Поцелуй! Меня! Мы ведь оба этого хотим.

— Я поцелую и больше тебя не отпущу. Ты должна это понимать, Адель, — произносит он вместо желаемого прикосновения. — Хотя я тебя больше и так никому не отдам. Даже тебе самой. Я слишком долго ждал тебя, чтобы когда-либо отпустить. Ты не сможешь от меня уйти, Адель. Я не отпущу!

— Я и не хочу уходить, Тёма, — шепчу еле слышно, потому что в один момент становится грустно. Оттого что знаю — не лжёт. Потому что дура, которая позволила нам разлучиться. Не увидела кто любит, а кто играет. — Ты любишь меня, и лишь поэтому я не уйду.

— А ты любишь? — спрашивает он спокойно, но его вопрос словно бьёт.

— Не знаю, — отвечаю честно, а по щеке скатывается слеза. — Но я люблю. Сейчас я скорее влюблена в тебя. Вчера, когда я впервые тебя увидела, со мной что-то произошло. Словно солнце вышло на улицу и на душе стало тепло, уютно и светло. Словно я проснулась наконец и могу дышать, наслаждаться жизнью. Когда ты проводил меня и ушёл, это чувство стало медленно пропадать, и... мне вновь захотелось увидеть тебя! Ты — моё личное солнце, Тёма! Банально, наверное, но это то, что я чувствую к тебе. И лишь так я могу объяснить это.

— Для тебя я готов быть хоть кем угодно, малышка, — ласково произносит и заботливо утирает слезу. — Тебе нужно время. Больше времени со мной, и ты сама не заметишь, как полюбишь меня и будешь ждать нашей свадьбы. Так же

сильно, как и я.

— Тёма.

— А?

— Ты такой медленный, — тяну, и не дожидаясь пока он поймёт, сама целую его. Не как вчера, быстро, легко и не давая понять, как сильно он на меня влияет, а наоборот. Чувственно, откровенно, волнующе. До дрожи по всему телу. До бешеного ритма сердца. До состояния, когда всё вокруг пропадает и становится нереальным.

Даю ощутить ему каждую эмоцию, которая сейчас руководит мной. Показываю каждую свою реакцию на его прикосновения. Случайные. Намеренные. Они все, словно расплавленная свеча на возбуждённое тело. Открываю себя и отдаю ему каплю своего отчаянья.

Мне всё ещё страшно, но я знаю, что Тёма не Дима и не другие. Он умеет думать и анализировать. Умеет верить и слушать. Он не предаст, как его брат. И не поверит, что я могла совершить настолько ужасный проступок. Я не такая... Но мне страшно, что он узнает и поверит. Им. Не мне.

Глупый. Безосновательный. Только слишком большой, чтобы его перебороть. Но о нём можно забыть, купаясь в счастье и его любви. На время скрыть от всех.

— А ты очень шустрая, — отвечает Тёма, отстранившись, но глядя на меня с такой широкой и влюблённой улыбкой, что хочется снова его поцеловать, но, думаю, моей бабушке хватит представления. — Мне нравится новая Адель. Она не

боится делать первые шаги.

— Пойдём за водой? — спрашиваю его, закусив губу. — Скажи да. На нас моя бабушка и соседи смотрят, — шепчу ему, глазами указав на сидящих на скамейке бабушек. — Мне не очень нравится быть новостью номер один на селе. Сейчас ещё сплетни пойдут неприличные.

— Пойдём, моя самая красивая и любимая девочка, — намеренно громко отвечает, так, чтобы каждый услышал. — На которой я женюсь!

Ох, кот мартовский. Помечает границы. Заставляет меня краснеть и улыбаться, а ещё... чувствовать себя счастливой. Вот скажи мне кто-то вчера утром, что сегодня я стану чьей-то девушкой, поправочка — невестой и буду при этом невозможно радостной.

Как он это сделал? Всего сутки, а я готова на край света с ним идти? Слишком быстро это! Страшно! Не хочется верить!

Но вот мы сидим в одной машине и не можем оторваться друг от друга, наслаждаемся и теряемся в нашем маленьком мирке, который создали давно, но вошли только сегодня.

— Тёма, мы так никогда не наберём воду, — устало стону ему в губы и меня отпускают с довольной ухмылкой на губах. — И вообще, до родника не дойдём! Два часа назад уехали вообще-то! И даже бутыль не набрали!

— Почему? — спрашивает он, совсем, наверное, не пони-

мая, что сидя в машине и целуясь, мы никак воду не наберём. К сожалению.

— Отличный вопрос, Тём, — восклицаю и начинаю дико хохотать, глядя на эту недоумённую моську. — Солнце моё, отпусти меня на пятнадцать минут? Мы только воду наберём и честное слово вернусь в твоё рабство! Прошу тебя!

— Какая ты вредная стала, Адель, — выдыхает, откинувшись на спинку водительского сидения. — Будешь такой же вредной — начну перевоспитывать! И поверь мне, перевоспитаю!

— Боюсь-боюсь, — поднимаю руки в знак капитуляции. — Но ещё меня твоя охрана смущает, которая то и дело проходит перед машиной и заглядывает к нам. Может, дома продолжим? Я понимаю, что ты пытаешься наверстать упущенное время и не можешь остановиться. Я даже... кхм... замечаю твоё желание продолжить и не ограничиваться одними поцелуями, — это произношу капельку смущённо. — Но давай не здесь? То, что происходит между нами, слишком личное и интимное, чтобы показывать всем вокруг, — говорю и, заметив на его лице задумчивость, добавляю. — Да, возможно, я старомодна, но я верю в то, что счастье любит тишину. Прости.

— Хватит извиняться, малыш. Я люблю тебя такой, какая ты есть, — говорит, подбодрив меня подмигиванием. — А теперь сиди в машине, а я пока наберу бутылки. Я скоро вернусь!

— Я помогу!

— Чем? — останавливается, чтобы повернуться ко мне и недовольно посмотреть на меня. — Адель, запомни, мужчины созданы для тяжёлой работы, а женщины, чтобы мило улыбаться и радовать собой всех вокруг. А если ты туда пойдёшь со мной, то боюсь, мы так и не наберём воду.

— Это что за шовинизм?

— Я не понижаю женщин, Адель, — отвечает, покачивая головой. — А лишь говорю о том, что тебе таскать тяжёлые бутылки нельзя. Ты будущая мать моих детей. А я хочу здоровых малышей, — быстро чмокнув, выходит из машины.

— И я хочу здоровых... — шепчу ему вслед, глядя на то, как он вместе с охраной спускаются к роднику.

Набрав воды и привезя её бабушке, та долго восхищалась и радовалась такому прекрасному «другу» своей внучки. В благодарность за помощь, после рыбалки, на которую Тёма пытался взять и меня, бабуля открыла для Тёмки все имеющиеся в доме деликатесы. К слову, грибочки бабушка крутит — пальчики оближешь. А Тёма грибы любит с детства. В общем, стол был праздничный.

Я бы тоже поехала на рыбалку, хоть и не люблю её, но осталась с бабушкой, чтобы помочь ей со столом. Да и после того, как я поцеловала Тему, мне требовалось время немного обдумать происходящее. Психолог советовала. Иначе вновь потеряю контроль над эмоциями. А они сейчас слишком сильные, хоть и положительные.

Ужинали мы поздно, но никого это не напрягало. Тёма за столом пытался ухаживать за мной, умиляя бабушку. А я превращала идеальный пресс Тёмки в колобок. Накладывала ему всё, что было на столе, а он всё ел и ел. Ел и ел. Может, у него там сумочка Гермियोны из Гарри Поттера вместо желудка? Не знаю, но бабушка сказала, что если аппетит у мужчины отличный, то и как мужчина он хорош. Главное, чтобы аппетит был здоровым, а не обжорством. Хотя где грань? Не знаю! Но идеальный пресс никуда не ушёл. Значит, всё хорошо.

— Спишь? — шепчу, приоткрыв дверь комнаты Тёмки.

— Нет, — прошептал в ответ и я юркнула к нему. — А ты чего не спишь? Поздно ведь? За полночь уже.

— У меня комната рядом с дедушкой и бабушкой, — отвечаю ему, переминаясь с ноги на ногу в, слава богу, приличной пижаме. Дед симфонию Храпещкого исполняет. Столь прекрасные мелодии мешают моему сну.

— Можешь лечь со мной, — по-хозяйски предлагает он, раскрыв одеяло и похлопав рядом с собой и я, не медля ни секунды, согласилась. Быстро оказалась у него под крылом, в объятиях своего мужчины. — Я даже рад, что твой дедушка оказался великим оперным певцом. Иначе бы не пришла.

— Тёма, я должна тебе кое в чём признаться, — якобы виновато начинаю. — Я соврала тебе. Храп дедушки мне не мешает. Я просто хотела к тебе.

— Думаешь, я не понял? — задаёт вопрос, поцеловав ме-

ня в лоб. — Я сам собирался пробраться к тебе, а потом утром сделать вид, что перепутал комнаты. Или у меня лунатизм. Ещё не решил. У меня было время.

— Ах, ты, негодяй! — начала шутливо возмущаться, пока меня не заткнули вначале щекоткой, а затем невыносимо сладостным поцелуем.

— А мы не торопимся, Тём?

— Мы опаздываем, Адель.

И пусть этой ночью между нами не было ничего серьёзнее поцелуев, просыпаться утром в его объятиях, видеть его сонную мордашку, которая уже не спала и разглядывала меня, ещё одна причина моей улыбки и счастья, которое отныне всегда со мной.

Он меня не отпустит. Он мне поверит. Он меня поймёт

Глава 6. Тёма

Месяц спустя...

— Ты уверена, что не хочешь полететь со мной? — спрашиваю я Адель, наверное, уже пятый раз за сегодня.

Держу любимую девушку в объятиях и уже не знаю, что придумать, лишь бы она просто взяла и села в этот чёртов самолёт вместе со мной.

— Тёмочка, я же говорила, что мне нужно вначале завершить свои дела здесь, в России, — с сожалением отказывается. По ней вижу, что ей так же, как и мне, сложно прощаться, но что-то её здесь по-прежнему держит. — Да и всего месяц как встречаемся... рано для того, чтобы съезжаться и свадьбы, к слову, тоже.

— Я не говорил о свадьбе, — произношу, нахмурившись.

— Не смеши меня, а, — восклицает. — Я знаю тебя слишком хорошо! Ты же в загс меня затащишь, как только мы выйдем из самолёта.

— Ну... я не знаю, — тяну и поймав её взгляд, говорящий, что мне не поверили, со вздохом сдаюсь. — Порой я жалею о том, что мы знакомы так давно и ты успела меня изучить.

— А я, наоборот, этому рада! Меньше сюрпризов и неожиданностей, — отвечает с улыбкой. — Давай, лети уже! Скоро посадка на твой рейс закончится.

— Адель, я уже в седьмой раз улетаю без тебя, — говорю

жалостливым тоном, но это её не берёт. Вот ведь упрямой и непробиваемой стала. — Малышка, я не думал, что придётся так долго ждать, когда ты переедешь. Надеялся, неделька, две...

— Ты пять лет ждал, — напоминает, а затем вконец решает добить. — Ещё годик подождёшь!

— Адель, имей совесть!

— Полтора... — тянет, издеваясь над любящим женщиной.

Ей-богу, перевоспитаю!

— Я тебя сейчас схвачу и засуну в сумку, — угрожающе шепчу. — Подожду несколько часов и тебе больше никуда не деться. Будет и свадьба, и всё, что нужно.

— Я не помещаюсь в твой чемодан, Тём, — отвечает, покосившись на небольшой чемодан, который я всегда беру с собой. Но там помещается несколько сменных рубашек, футболок, штанов, одна пара шорт, нижнее бельё и ноутбук.

— Поместишься, — уверяю её. — Но сейчас нам и правда пора прощаться... Может, передумаешь?

— Не сегодня, Тёмочка! Прости!

— А когда?

— Завтра, — как всегда отвечает, и я, вздохнув, принимаю её решение.

Давно бы уже незаконно похитил, связал и держал дома! Но нет! Упрямая! А я ведусь! Жду! Не даю! Обещал же! Чёртово обещание. А я дурак, что вообще его дал тогда.

Урвав очередной сладостный поцелуй своей любимой малышки, обнял её и поспешил на посадку.

Отчего-то весь месяц мне ужасно боязно за неё. Оставил ей одного из своих телохранителей, с которым она первое время бодалась, но потом свыклась с мыслью, что мне важна её безопасность. Уже спокойнее относится к тому, что с ней всегда рядом кто-то, кто поможет и защитит, пока меня нет рядом. Хорошо, что пресса пока не разнюхала о том, что я теперь не один и обзавёлся девушкой. Иначе бы одним охранником не обошлись. По правде говоря, готов на весь мир кричать о счастье, но Адель просит сохранить всё в тайне.

«— Счастье любит тишину, — говорит она каждый раз. — Мне не нужно, чтобы кто-то копался в моём белье, как в твоём, Димином и всех ваших пассий».

Но ещё мне страшно, что она может уйти. Передумать быть со мной. Но чем дольше мы вместе, тем больше я убеждаюсь, что Адель только моя и на других даже не смотрит. Её телохранитель говорит, что пока меня нет, она особо из дома и не выходит. Магазин, прогулка, бабушка или куда-то с родителями.

Работает, как сама говорит.

Эх, молодая ещё, а работает днями и ночами. В меня, наверное. Ей бы гулять побольше, отдыхать, но нет, упрямая, говорю же! Ничего, скоро переедет, и я её научу гулять по несколько часов в день. Да и сам приучусь.

Да... с нетерпением жду дня, когда она согласится покинуть Россию, но пока вырываю редкие дни, чтобы прилететь к ней и просто обнять. Поцеловать. И в очередной раз сказать, что люблю. С ней я словно летаю. И это чертовски круто. Чувствовать любовь и отдачу малышки.

Но а пока я далеко от неё приходится работать, работать и работать, освобождая дни на полёты к ней. И не только работать, но и разбираться со своим прошлым.

— Катарина, я тебе уже всё сказал, — недовольно произношу, проклиная тот миг, когда решил поехать на лифте. — Между нами отныне ничего нет и быть не может.

— Артём, я люблю тебя! Не поступай так ужасно со мной, — хнычет со слезами на глазах. — Не разбивай мне сердце!

— Катарина, не устраивай сцену, прощу! Прощай! — говорю по слогам и благодарю Бога, когда лифт останавливается на моём этаже и я выхожу, но она направляется следом за мной.

Эта уже третья наша встреча за этот месяц. В первый раз меня пыталась споить и дальше не знаю, что она планировала сделать, но я не пью больше. В этом больше нет причин и смысла. Лучше я проведу лишний час за работой, зная, что ускоряю нашу встречу с малышкой, чем перестану себя контролировать. Во второй раз Катарина приехала ко мне домой в провокационном ролевом костюме, но в этот вечер у меня были гости. Мы с партнёром не оценили сюрприз. И вот третий раз. Пришла в офис.

— Господин Солнцев, — пытается что-то сказать секретарша, но я заставляю её замолчать одним взмахом руки.

— Позже, Кэт, — кидаю своей помощнице и захожу в кабинет, надеясь, что Катарина не последует за мной и поймёт намёк. Но нет. Не поняла.

— Артём, прошу тебя! — продолжает спектакль моя бывшая любовница. — Я беременна!

— Мы предохранялись, Катарина, — напоминаю ей и разворачиваюсь к ней. — Всегда! Поэтому не надо лжи!

— Я забеременею и подарю тебе наследника, — обещает она и делает попытку подойти, но я отхожу в сторону. — Дай нам шанс. Прошу тебя, любимый!

— Наследника мне подарит другая, — строго проговариваю. — От тебя и от кого-либо кроме неё я детей не хочу.

— Опять эта твоя жена брата?! — вскрикивает. — Она никогда с тобой не будет, если сразу не осталась с тобой! Разве ты этого ещё не понял?

— Понял, — киваю, словно согласен с ней. — Если не она, то больше никто. А теперь уходи, Катарина. Я не намерен больше с тобой говорить. Я передам охране, чтобы тебя больше не впускали. И вообще, кто тебя впустил?

— Я сказала, что твоя невеста. Многие вообще-то знают об этом.

— Да? Жаль, что я этого не знаю, — пожимаю плечами. — Запомни раз и навсегда — я люблю другую. И даже если бы ты оказалась непонятно каким образом беременна, я бы

остался с ней.

— Какой же ты дурак! — восклицает она. — Она никогда не будет с тобой! Запомни! А ты ещё приползёшь ко мне! На коленях! И будешь молить о прощении! А я ещё подумаю, прощать тебя или нет! — гордо заявляет и, не прощаясь, уходит, громко хлопнув дверью.

— Ох, — вздыхаю и, достав из кармана телефон, набираю начальника охраны. — Сейчас выйдет моя бывшая. Предупреди всех, чтобы её больше не пускали. И да, проследи, чтобы она села в такси и не натворила глупостей. Сейчас она во взвинченном состоянии и может попытаться как-то навредить мне.

— Наблюдать за ней до самого дома? — на полном серьёзе интересуется мужчина.

— В идеале, — киваю, словно он может заметить. Отключив вызов, прячу телефон и ещё раз вздыхаю. — М-да уж...

— Ну и страсти, — доносится знакомый голос с моего рабочего кресла. Шокировано оборачиваюсь и натыкаюсь на сидящую в нём малышку. — То есть пока я там целыми сутками думаю о тебе, ты со своими бывшими «болтаешь»? Это я вовремя... будущий недопапочка. Да?

— Ты здесь?

— Ну я же сказала, что завтра прилечу. Вчера в аэропорту, помнишь?

— Я думал, ты пошутила. Как обычно, — оправдываюсь, направляясь к своему креслу и малышке в нём. В лёгком пла-

тье, положив ногу на ногу, смотрит на меня с улыбкой и этим блеском в глазах, от которого я схожу с ума.

— Какие шутки, Тёма?! — театрально восклицает, пытаюсь казаться обиженной или рассерженной, но это у неё плохо получается. — Мне сейчас совсем не до шуток! У меня хотят увести тебя, — восклицает и из последних сил продолжает. — Ох, всё же хорошо, что я смогла приехать и теперь контролирую ситуацию. А то непонятно, чтобы случилось здесь, пока ты один!

— Только вот я послал Катарину, — отмечаю, усмехнувшись.

Отодвинув кресло чуть назад, сажусь на стол перед ней. Во все глаза смотрю на свою малышку, решившую сделать мне сюрприз.

— То есть я могу вернуться в Россию? — спрашивает Адель и уже собирается встать, но, легко толкнув, я усаживаю её обратно в кресло.

— Нет. Уже не получится дать заднюю, малыш, — с притворным сожалением говорю ей, поймав её звонкий смех, который завораживает и заставляет почувствовать себя сказочно счастливым, какое бы паршивое настроение у тебя ни было.

— Ну ладно, — тянет малышка, словно расстроилась, но улыбка выдаёт её с потрохами.

— Ты как сюда попала? — интересуюсь у неё.

— На самолёте, — пожимает плечами, послав взгляд —

«и как ты сам этого не понял?»

— В мой кабинет, — уточняю.

— Ты сам мне оставил одного из своих телохранителей. Мой билетик, позволяющий войти в офис, а затем и в кабинет, — отвечает, чуточку смутившись. — Ещё бы они не пустили твою невесту! Я бы им такой скандал устроила. Мне так твой охранник сказал говорить, если кто-то будет против моего сюрприза. Но они почему-то странно на меня посмотрели, когда я сказала, что невеста. Сейчас-то я понимаю — просто две невесты одновременно решили тебя посетить.

— Невеста, значит? — задумчиво потираю подбородок. — Отлично сработано, госпожа будущая Солнцева. И когда ты решила лететь в Германию? Ко мне?

— Неделю назад. Но надо было завершить несколько дел дома и лишь потом пускаться во все тяжкие, — рассказывает воодушевлённо, а продолжив, так вообще почти смеётся. — А потом ты позвонил и сказал, что прилетаешь и дату своего отлёта не называл до самого дня прощания. Я так боялась, что мы на одном рейсе полетим, и сюрприз не удастся. Ну, ты только представь — садимся мы в самолёт и оказываемся соседями. Вот это бы смех был.

— Безумная.

— Ну, в общем, вот так мы с моими чемоданами и прилетели, — заключает она, указав на два небольших чемодана на колёсах, которые оставила около диванчика. — Тёма, прошу, не ругай телохранителя, которого ко мне пристроил.

Я слёзно молила его молчать и пообещала, что ты его не уволишь. Не уволишь же?

— Надо бы, — произношу, зловеще посмотрев на любимую. — Верность мне променял. Но в этот раз только разговором обойдёмся. Я рад, что ты прилетела, малышка! Ты даже не представляешь, как сильно я рад.

— Я тоже, — признаётся и её щёчки слегка краснеют. — Долго думала, а потом решила: будь что будет!

— Адель, господи! — выдыхаю, не зная, чего хочу сильнее — обнять её сейчас, поцеловать или схватить её и сбежать куда глаза глядят. — Ты не представляешь, как долго я этого ждал... Наконец, ты моя полностью, — произношу и кладу руку ей на ногу, медленно проводя ею вверх и снова вниз. В этом платье и нога на ногу она выглядит ещё вкуснее, чем обычно. — Только моя...

— Господин Солнцев, — доносится голос секретарши из селектора, — через десять минут у вас совещание.

— Чёрт, — ругаюсь, зло посмотрев на аппарат, сообщивший мне ужасную новость. — Сегодня я возненавидел свою работу и то, что в обязательном порядке должен присутствовать на этом долбаном собрании. Отменю его, к чёрту! Не до него сейчас! Меня увести хотели и меня любимая девушка застала с другой! Надо извиняться! Долго и...

— Нет-нет! — тут же начинает переубеждать меня Адель, перебивая. — Я мороженое хочу! Иди работай! Если ты перестанешь работать, то не сможешь мне купить мороженое

и наполеон! Поэтому марш на совещание! Живо! Встаём и идём работать!

— Адель!

— Я всё сказала! — заявляет, высокомерно посмотрев на меня и скрестив руки на груди. Но заметив мою вздёрнутую вопрошающе бровь, сдаётся. — Тёма, я не хочу мешать твоей работе. Ты не должен из-за меня менять свои планы. Я тихо посижу здесь и подожду. Сама поработаю немного, и дома мы сможем уделить время лишь друг другу, не думая о работе.

— Нет, — неожиданно заявляю я и хватаю её за руку. — У меня идея! Гениальная! Как быть на совещании и не расставаться с тобой. Ты просто пойдёшь со мной! Решено!

— Нет! Нет! Нет!

— Да! Да! Да!

— Нет, Тёма, — повторяет, покрывшись краской. — Я не могу, — опускает глаза вниз и поднимается с кресла, всё так же не поднимая на меня глаз. — Я хотела сделать грандиозный сюрприз, — неловко поднимает взгляд и, потянувшись к поясу на своём платье, развязывает его, демонстрируя мне свой черно-лиловый комплект «сюрприза», которое платье перестало скрывать, стоило развязать пояс. Как и чёрные чулки на подвязках.

О господи! Чулки!

Мне срочно надо подышать! Или отвезти Адель домой и не выпускать из постели, пока не успокоюсь.

— Адель, — шепчу, сглатывая. Сил оторвать взгляд от желанной картины нет. И не должно быть.

— В общем, это платье выглядит приличным и нормальным, только если я сижу. Не стою и никуда не иду. Оно развязывается всегда и... В общем, это только для тебя сюрприз, а не для всех на совещании. Поэтому я посижу тут и подожду тебя!

— И ты думаешь, что после увиденного я смогу работать?! — с трудом отрываю взгляд, чтобы увидеть её глаза, но на пути встречаются другие «глаза».

Сейчас она решит, что я озабоченный. Но я просто влюблённый в эту маленькую девушку и её аппетитное тело, которое хочется... Так, если я продолжу, то мы отсюда не выйдем.

— Ну да...

— Нет, Адель. Не смогу я работать!

— Извини!

— За что? За то, что самая красивая и желанная девушка стоит сейчас передо мной в самом шикарном виде и хочет отдать мне себя?

— Я посчитала, что это будет красиво и запоминающе для сюрприза и нашего первого раза, — неловко проговаривает.
— Вообще, я надеялась, что застану тебя дома, но рейс задержали и пришлось ехать в офис. Всё вышло из-под контроля.

— Стоп! А мой охранник не видел этого?!

— Нет! Я переоделась в туалете офиса и вышла оттуда в кардигане, — отвечает, завязав платье и подойдя ко мне, чтобы тут же оказаться в моих объятьях. Только вот в этот раз они для меня острее и опаснее. — Мне жаль, что всё пошло не по плану, солнце моё.

— Почему не по плану? Всё по плану! — заявляю и нажимаю на кнопку связи с секретаршей. — Перенесите совещание на завтра. После обеда. И все дела на это время.

— Хорошо, господин Солнцев, — отзывается Кэт и отключается.

— Тёма! Ну что ты делаешь?! — возмущённо восклицает Адель.

— Собираюсь отвезти свою невесту домой. Но сначала заедем в одно место. У тебя паспорт с собой?

— С собой, — кивает.

— Адель, — начинаю и быстро пробегаюсь глазами по столу в поисках чего-то похожего на кольцо. Наталкиваюсь взглядом на наушники малышки с кольцом от чехла. Безжалостно отрываю его и продолжаю. — Я совсем не был подготовлен к этому сегодня и сейчас, но я должен спросить: ты станешь моей женой? Моей единственной любимой женщиной на всю оставшуюся жизнь? — протягиваю ей силиконовое кольцо с Микки Маусом.

У неё страсть к этому персонажу, как и ко всему, что связано с Дисней. Вроде взрослая, но сохранила в себе эту ма-

ленькую девочку, которая обожает мультики, мороженое и прочие, свойственные детям привычки.

— Я представляла себе этот момент тысячу раз, но это самое необычное предложение руки и сердца, которое я когда-либо видела. С Микки Маусом-то. Я согласна с тобой на всё, Тём!

— Отлично, — выдыхаю и надеваю ей кольцо на палец. Оно большевато, но ничего! — Извини, что так. Завтра поедem к ювелиру и купим нормальное кольцо. По размеру, золотое и с камушками.

— Тёма, я люблю тебя, — ошарашивает она меня в один момент. Она ещё не признавалась мне в чувствах. — И мне неважно кольцо. Мне нравится это. Ненастоящее, но оно круче других.

— И всё же я куплю тебе завтра кольцо. Но есть кое-что Адель, — приступаю к самому сложному вопросу. Но надеюсь, она меня поймёт. В любом случае пойдёт на уступки. — Я договорюсь и нас распишут одним днём. То есть сегодня или уже завтра ты станешь моей женой официально. Раз и навсегда. То есть всё произойдёт быстро. Как ты понимаешь, свадьбы сейчас не будет.

— Ну да. Долго организовывать. И некогда, когда у тебя жених жутко нетерпеливый, — с улыбкой проговаривает и прижимается ко мне теснее. Лучше бы она сейчас этого не делала. Или хотя бы я не знал, что под этим, казалось бы, невинным платьем.

— Дело в другом, Адель. Я хочу, как мои родители устроить свадьбу, только когда будем венчаться. Штамп в паспорте ничего не значит. Бумажка. А вот церковь и венчание — имеют огромное значение. Для меня. Это словно стать ближе к маме и папе Саше. Но если ты захочешь, то можешь организовать свадьбу и сейчас. Пригласить всех наших родственников и...

— И я хочу свадьбу, когда будем венчаться, — прерывает меня. — Мне вообще всё это неважно. Можем вообще свадьбу не делать. Просто будь всегда рядом со мной. Я сложная. У меня свои тараканы в голове. Свои проблемы. И я прошу тебя не лезть в некоторые из них. Я сама всё решу. И однажды расскажу тебе обо всём. Но сейчас... Ещё болит!

— Я буду рядом, но и ты будь со мной.

— Буду! Всегда! Отныне всегда! Ты делаешь меня счастливой!

Глава 7. Тёма

Пять месяцев спустя...

— Тёма, — тянет моё имя Адель, уткнувшись носом мне в плечо. — Ты такой вкусный. Так и хочется укусить кусочек, — проговаривает, а затем, подняв голову, добавляет, шмыгнув носом. — Но нельзя. Ты мне весь нужен. Без откусанных кусочков. Жаль, что люди не умеют, как ящерицы отращивать себе новые конечности.

— Малыш, порой ты меня пугаешь, — признаюсь, прижав любимую жену к себе. — Обычно женщины мечтают о шубе, украшениях и машинах, а ты о кусочке меня и о том, чтобы я мог регенерировать.

— Тебе просто чертовски повезло со мной, — выдаёт со смехом, заведя им на веселье и меня. — Где ещё можно найти такую не корыстную, но кровожадную жену?

— У меня так скоро все идеи закончатся с подарками, — говорю ей, понимая, что они закончились и я не знаю, что подарить ей на полгода.

— Тёма, а может, хватит подарков? — вновь заводит свою шарманку. Стесняется ещё того, что я люблю её радовать и тратить на неё деньги. — У нас годовщины почти каждую неделю. И на каждую ты мне что-то даришь.

— Просто я хочу видеть твою улыбку и смотреть на то, как блестят твои глазки, — объясняю, словно маленькой.

— Ну, хорошо, дари! — впервые за месяцы нашей супружеской жизни сдаётся сама без применения запрещённого приёма. — Но может сладости? Зачем такие дорогие подарки? Украшения я особо не ношу. Машину водить сама боюсь и выезжаю из дома редко, поэтому водителя нанимать смысла нет. Меня охрана, если что, может подвезти до магазина и обратно. Дари мне киндеры на мелкие праздники, а те конфеты, которые тебе как-то партнёр из Америки привёз — на большие праздники. Вот и всё!

— У меня тут гениальная идея появилась, — начинаю, коварно посмотрев на Адель. — Я всё же могу тебе подарить кусочек себя.

— Тёма, я пошутила! — восклицает, шокировано посмотрев на меня. — Не надо себя резать! Ты мне целый и со всеми частичками нужен!

— Нет, малыш, я о ребёнке, — поясняю, мечтательно продолжив. — Я очень хочу сына или дочь от тебя. Неважно вообще! Просто нашего ребёнка. Как представлю, прихожу домой, а тут моя малышка и маленькие малышата. Они бегут ко мне и кричат: «Папа!». Девочка точная твоя копия, только ещё меньше, милее и любит меня больше всех на свете. Только моя девочка! Сын на меня будет похож. Будет твоим помощником и защитником, когда меня не будет дома. Вообще можно больше, чем двоих! Я хочу ровно столько, сколько получится.

— Я тоже хочу так, — подключается к моим мечтам лю-

бимая. — Отвезить сына на футбол или бокс. Хотя нет! Последнее нет! Никакого бокса! Футбол!

— Я тоже против бокса, — поддерживаю её. — Можно ещё на лёгкую атлетику отдать, или плавание. Что-то не сильно травмоопасное. Я воспитывал брата и примерно понимаю, что там и без бокса проблем с драками куча будет. Но, а вообще, будем смотреть по его интересам. Если уж будет к боксу тянуть, придётся смириться. А малышку нашу куда отдадим?

— Фигурное катание, рисование и гимнастика? — предлагает. — Для девочек намного больше всего, мне кажется.

— Танцы ещё можно, — бросаю, визуализируя, как сижу на очередных соревнованиях и болею за дочь или сына. Но должен признать, что больше всего я хочу именно дочь. Даже не знаю, как это объяснить. — Я уже хочу их, — проговариваю и подношу руку к ещё плоскому животу своей жены. — Мы уже несколько месяцев вместе. Почему у нас до сих пор не получилось?

— Может ещё не время? — спрашивает и одаривает меня печальной улыбкой. — Они будут, но может немного позже?

— Может, к врачу ходим? Вместе и обследуемся? — задаю вопрос, заметив, как она опустила глаза.

— Я была у врача, солнце, — отвечает, болезненно улыбувшись. — Всё хорошо у нас, Тёма. Бывает просто, что у пар не сразу получается зачать ребёнка. Надо лишь немного подождать. Мой гинеколог сказала, что у меня нет проблем

с вынашиванием и зачатием. Поэтому просто надо стараться и выждать момент, когда это случится.

— Ладно, — сдаюсь, заметив, что эта тема её слегка расстроила. — Возможно, ты права. Ребёнок придёт, когда будет время. А пока будем наслаждаться друг другом, — тяну и накидываюсь на жену с очередной порцией щекотки и поцелуев, которыми покрываю все её тело.

— Тём, — окликает меня, пытаюсь спастись, но никакой пощады, пока вновь не будет улыбаться. — Ты на работу не опоздаешь?

— А? — бросаю быстрый взгляд на часы и тут же подсказываю. — Чёрт, опять с тобой залежался! Ты хоть раз можешь меня вовремя от себя отпустить? Мои сотрудники уже смеются надо мной и своим начальством, которое задерживается с момента, как женился.

— То есть я ещё и виновата?! А не ты ли, солнце, меня разбудил и не дал встать с кровати попить воды?! Не ты ли хотел устроить в моём организме засуху?! — со смехом восклицает, наблюдая за тем, как бегаю по комнате. — Ладно, давай ты в душ, а я завтрак тебе быстро приготовлю. Что будешь? — интересуется, встав с кровати и натянув на себя халат.

— Как обычно, — отзываюсь и, чмокнув её в щёку, спешу в ванную комнату, прилежающую к спальне. — Люблю! — кидаю своей малышке.

— Иди давай! Любит он!

— Есть сомнения? — останавливаюсь и оборачиваюсь к ней.

— Есть сомнения, что ты опоздаешь на работу. Решишь взять сегодня выходной и потом будешь весь день меня мучить! А мне работать надо! Я же не содержанка, чтобы на твоей шее сидеть, — бубнит «старушка».

— Значит, вот так?! Выгоняешь меня!

— Ага, — кивает и со всей серьёзностью объясняет своё поведение. — Любовник просто под окнами уже ждёт. Замёрз, бедный. А ты всё чухаешься, — и не выдержав, начинает смеяться. — Душ тебя уже ждёт! Иди уже!

— Передавай любовнику привет!

— Хорошо! Давай, опоздаешь ведь, — всё так же отсылает меня, и если бы я не знал о её синдроме «Кролика» из «Алисы в стране чудес», подумал бы, что и правда спроводить хочет. А она просто сама боится опоздать. И когда другие опаздывают, для неё стресс. — А ты вчера говорил, что у тебя встреча сегодня важная.

— Самые важные встречи у меня по вечерам в этом доме с тобой, а там не очень. Мелочи, — проговариваю и, вернувшись, ещё раз целую Адель. И лишь затем, наконец, ухожу, позволяя ей спуститься на кухню и заняться готовкой.

Быстро принимаю душ, переодеваюсь и спускаюсь завтракать вместе с любимой малышкой, которая по утрам любит поспать, но ради меня всегда встаёт, готовит завтрак, провожает и ложится ещё на часок поспать.

Затем она встаёт, немного прибирается, садится за ноутбук и начинает работать. Бывают её затягивает до такой степени, что она забывает обо всём и «просыпается от работы» лишь когда прихожу я.

Обычно она и ужин готовит, и обед, если требуется, но я много раз ей говорил о том, что у нас есть домоправительница и она может готовить, а Адель спокойно заниматься своими делами. Но малышке важно каждый раз доказывать, что она хорошая жена и хозяйка.

Ну а я не сопротивляюсь. Пусть делает так, как ей удобно. Ведь есть то, что приготовлено для тебя с любовью невероятно вкусно и это невероятно сближает.

— Макс, — вздыхаю, глядя на брата через монитор. — Зачем это? Может, не стоит? Возможно как-то этого не допустить?

— Я ничего не могу сделать, Тём, — отвечает он, недовольно поджав губы, с экрана моего ноутбука. — Просто предупреждаю. Тебя он, наверное, решил не оповещать, поэтому... я же понимаю, что он едет не по рабочим вопросам.

— Зачем он вообще решил приехать?! — возмущаюсь, мечтая о том, чтобы рейсы в Германию отменили. — Пять лет не слышали друг о друге, а тут соскучился? Не верю!

— Не знаю, Тём, — Макс дёргает плечами. — Но предупреждён, значит вооружён. Не отдавай ему Адель. Я видел её после расставания с Димой. Труп ходячий, а с тобой светится вся. И как бы я ни относился к Димке... Я за мир во

всём мире. Адель нам не чужая, и я тоже за неё переживаю. Да и Ника после вашей свадьбы довольная вся. Племянников ждём!

— Я тоже их жду, Макс, — отвечаю ему. — Ну на кой чёрт он едет?! Сейчас, когда Адель со мной и у нас всё хорошо, он за каким-то дьяволом решил проведать меня?

— Боишься, что к нему уйдёт? — уточняет старший брат. — Запомни: если твоя, то не уйдёт.

— Да нет, Макс, — мотаю головой, точно зная, не уйдёт. Не такая она. — У них что-то произошло, и стоит мне лишь заикнуться о Диме, как она в одну секунду не своя становится. Не хочу, чтобы у неё настроение портилось или вообще что-нибудь произошло. Знаешь, сколько трудов пришлось применить, чтобы вернуть её обратно? Сколько ночей я слышал её плач? Месяца два как прекратилось всё.

— Ну, пусть идёт в отель, — предлагает Макс. — Ты не обязан его принимать у себя дома. А Адель у тебя мало бродит вне дома, так что даже не увидятся.

— Мало выходит, — киваю. — Либо в доме, либо в беседе сидит, работает.

— И не скучно ей двадцать четыре на семь дома одной?

— Говорит, что нет, — пожимаю плечами. — У неё подруги в сети. Общается с ними вечно. Да и мы вдвоём часто гуляем где-нибудь. Я же понимаю, что в четырёх стенах свихнуться можно.

— Ну, тогда отлично, — заключает Максим. — Он по ра-

боте едет. Решите дела по компании и пусть валит в отель. Он мне часа два назад звонил и сказал, что уже в аэропорту. В общем, скоро будет.

— Век бы его ещё не видел, — выдыхаю и отключаюсь.

Около часа пытаюсь успокоиться и сконцентрироваться на работе, но ничего не выходит. Меня трясла и выводила из себя одна лишь мысль, что он может что-то сделать с моей малышкой. Я никому не рассказывал, и даже самой Адель, что видел, что с ней происходит. Слышал шёпот молитв, которые она читала перед маленькой иконой. Видел её заплаканные глаза, которые она пыталась скрыть за маской радости и любви. Порой она могла во сне прижаться ко мне и обнять. Обычный жест любви, но не когда её руки цеплялись за меня, оставляя синяки и царапины. Для меня первые месяцы тоже не были лёгкими. Потому что она молчит и не говорит, что с ней. Но я не давяю. Она обещала рассказать и расскажет, когда сможет. А сейчас всё уже хорошо. Я одарил её любовью и заботой. Вылечил. По крайней мере, я надеюсь на это.

Открыл галерею с фотографиями и, найдя наши с Адель, стал листать их и поднимать себе настроение. Столько всего произошло за эти полгода. Романтические ужины, путешествия, дурачества и море, нет, океан любви. Я бы сказал, что это именно те идеальные отношения, о которых я мечтал. Мы поссорились всего один раз и то несерьёзно и ненадолго. Я задержался на работе. Телефон разрядился. А в этот

момент по телевизору передали о какой-то аварии рядом с офисом. Адель распереживалась, когда я не поднимал трубку, решив, что я в той аварии. Когда я вернулся домой, меня сначала, плача, обняли, а затем Адель начала кричать и обиделась на меня такого «беспечного». В общем, ничего серьёзного. В основном у нас любовь и гармония. Адель чаще всего мне уступает или предлагает компромисс, на который уже соглашаюсь я. Если обсуждаемый вопрос не так важен для неё, то она даже слова не скажет, но если важно, то тут уже моя задача разрешить вопрос.

— Господин Солнцев, к вам брат, — вырывает меня из моего мирка секретарша. Услышав известие, неосознанно сломал стилус от телефона, который тут же бросил в мусорку.

— Пусть проходит, — распорядился и, спрятав телефон, стал ожидать Диму. А параллельно с этим успокаивался.

— Тёма, — протянул он, войдя в кабинет с глупой улыбкой на губах. — Как давно мы не виделись! Братишка! Как же ты изменился.

— Привет! Проходи, — указал ему на кресло для посетителей. — Присаживайся и давай сразу к делам. У меня через полчаса встреча, — деловито предупредил.

— Что так сразу? — возмутился, но в кресло сел. — Не хочешь поговорить? Узнать как я? Мы столько не виделись.

— Всё, что нужно, я о тебе уже знаю, — безразлично кинул. — Обо мне тебе знать неинтересно, иначе бы навестил

раньше. По какому вопросу ты приехал?

— Ладно, — тянет и кратко излагает суть своего рабочего визита. По правде говоря, это всё можно было и дистанционно решить, но он зачем-то приехал. Точнее, я знаю, зачем он приехал. И мне это не нравится. Будь проклят тот журналист, который на днях поймал нас с Адель в кадр. Погулять спокойно уже нельзя. Малышка просила пока сохранить в тайне нашу женитьбу от прессы. Мои партнёры и близкие люди знают и знакомы с Адель, но прессы стараемся избегать.

Всё, отданное под Диму, время держусь с ним холодно и отстранённо. Брат же, наоборот, пытается то и дело вывести меня на личные темы, но я не ведусь. Чётко придерживаюсь линии деловой встречи, что злит брата.

— Отлично! — заключаю. — С твоими делами мы разобрались! — встаю со своего кресла и, взглянув на часы, продолжаю. — Теперь я опаздываю. И мне уже пора!

— Окей, — пожимает плечами и встаёт со своего кресла, складывая бумаги. — Вечером встретимся? Поболтаем как братья?

— Нет, — мотаю головой, пройдя к выходу из кабинета.

— Что жена против будет? — вопрос прилетает мне в спину, и я оборачиваюсь, отметив, с каким ехидством он это произнёс. — Быстро она тебя обработала. Ну да, Адель больше не та миленькая девчонка, с которой мы дружили. Умеет манипулировать мужиками. И притворяться милой овечкой.

Ты ещё не видел её настоящего лица? Не показала ещё зубки?

— Не твоё дело, что и как у нас с женой, — шиплю на него, сохраняя рассудок и желание не убивать его из последних сил. — Следи за собой и своей женой. Ну хотя бы для её отца. Прибьёт же зятя, если узнает, что тот и правда его дочери изменяет.

— Тёма, я же не со зла, — начинает Дима и подходит ко мне. — Предупредить хочу. Не хочу, чтобы на мои грабли наступал. Адель, она...

— Мне не нужны твои советы и предупреждения, — зло обрываю его. — На выход!

— Как знаешь, — ухмыляется и, не прощаясь, выходит. Несколько минут стою у двери и пытаюсь успокоиться и привести себя в порядок.

Впереди у меня ещё одна встреча и нельзя на неё прийти в таком состоянии. Одна встреча, и я буду дома. С Адель. Прижму её к себе, и пусть мир катится к чертям!

Подождав, пока Дима уедет с парковки, сажусь в свою машину и еду на встречу. Всего час, и я уже со всей скоростью мчусь к любимой малышке. На ужин. Где она будет пересказывать новую главу своей книги, затем меня ждут отзывы на предыдущую главу. Всё как обычно. Адель тараторит. Я ем и слушаю. Думаю, как в этой маленькой головке умещается столько идей для романов.

— Тёма, — восклицает Адель и бежит ко мне, чтобы получить свой ритуальный вечерний «послерабочий» поцелуй. — Мой руки и пойдём есть, — довольная командует. — Только мясо немного подождать. Я слегка заработалась и забыла его поставить в духовку. Прости! Увлёклась немного. Но там ещё минут пятнадцать-двадцать.

— Я подожду, — отвечаю ей, переобуваясь в домашние тапочки. Раньше я их вообще не носил, но с появлением в моей жизни заботливой и слегка ворчливой «старушки» приходится и тапочки носить, и шапку в машине всегда носить.

— А ты чего грустный такой? — интересуется у меня Адель, словно почувствовав во мне изменения.

— Адель, тут такое дело... Дима приехал, — признаюсь, ещё в машине решив, что ей надо сказать.

— Сю... сюда? К нам? — испуганно шепчет.

— Он в отеле поселился. Но он в Германии.

— Тёма, может, я к маме полечу в Россию? — неожиданно спрашивает. — Я понимаю, что он — твой брат и твоя семья, но я бы не хотела с ним сталкиваться.

— Адель, моя семья — это ты! Я дал ему понять, что мы не рады будем его видеть в нашем доме. Всё будет хорошо. И к родителям твоим мы полетим через недельку, другую. Освобожу несколько дней и поеду наших навестим.

— Ну ладно, — сдаётся, но трести её не перестаёт. — Иди, руки мой, а я на кухню. Буду тебя там ждать, — говорит, впад

в то состояние, из которого я только недавно её вывел. Она как бы со мной, но не со мной.

— Малышка, я не дам тебя ему в обиду, — обещаю ей, оказавшись в несколько шагов рядом. Обнимаю её. — Никому не дам тебя в обиду.

— Я знаю! Спасибо... большое.

Глава 8. Малышка

— Кто там, как думаешь? — спрашиваю Тёму, выронив вилку на пол от внезапных догадок в своей голове. Точнее, не внезапных. Я знала, что он придёт. Ждала этого и тряслась от страха. Тема обещал, что защитит, но от воспоминаний и внутренней боли не защитит. Она придёт, как только я увижу Диму.

«— Это ты! Ты во всём виновата! Это всё из-за тебя! — кричит он, пылает и уничтожает своим голосом. Тонем. Поведением. — Я верил тебе! А ты... Как ты могла?!»

— Я этого не делала! Дима, я не виновата! - в который раз оправдываюсь, хоть и знаю, что не поверит. Не поверил тогда. Не поверит сейчас. И пока рядом с ним ОНА никогда не поверит.»

— Даже не знаю, малыш, — отвечает муж и, отложив приборы в сторону, отправляется открывать дверь. — Сиди здесь. Я скоро вернусь, и ты продолжишь мне рассказывать, что там сделали Юля и Адам.

Стоит ему покинуть кухню, в которой мы чаще всего ужинаем, мне становится холодно, страшно и плохо. Желудок словно выворачивает наизнанку, вызывая тошноту. Зубы начинают клцать друг о друга, а ноги словно не мои и я их не чувствую. Реальность становится какой-то нереальной.

— Я просто себя накручиваю, — шепчу себе успокаива-

юще. — Это не Дима! Не он!

— Убирайся, — доносится до меня рык Тёмы и земля уходит из-под ног, когда я слышу голос его собеседника.

— Не хочу! Мы давно не виделись, и я жутко соскучился по своему братишке. А ты нет? — спрашивает Дима привычным ему тоном, в котором слышны нотки алкоголя.

— Дима, я не шучу! Тебе не рады, — говорит ему Тёма. А мне хочется спрятаться за него. Попросить укрытия, сил и просто быть рядом. Не исчезать как все. Быть со мной.

— Я знаю, — тянет Солнцев-младший и начинает смеяться, словно больной.

Аккуратно, беззвучно, чтобы меня не заметили, крадусь к ним. Страшно, но я иду, чтобы посмотреть в глаза своей боли и её главной причине. Мазохистка. Идиотка! Сиди на кухне! Не надо тебе это! Но... я иду! Застываю в коридоре за огромным кустом в горшке.

— И именно поэтому я пришёл, — продолжает Дима и делает попытку войти в дом. Тёма пытается схватить его за руку и выставить, но у него ничего не получается. Его брат оказывается ловчее даже в нетрезвом состоянии. Быстро среагировав, Дима делает шаг в сторону, а затем идёт вглубь жилища, направившись прямо на меня.

Надо уходить! Но ноги застыли и мне не удаётся скрыться до того момента, пока он меня не обнаружит.

— Привет, — произношу, когда он оказывается напротив, с ухмылкой и злостью посмотрев на меня.

— О, Адель, малышка! — восклицает Дима и в одну секунду обнимает меня. — Как ты выросла! Стала такой женственной и... Ай! — вскрикивает от боли. — Зачем кусаться?!

— Не трогай меня! — шиплю от злости и отступаю. — Никогда!

— Злючка, — заключает и, подмигнув мне, идёт в гостиную. Мы с Тёмой следом за ним.

— Если хочешь, можешь пойти в спальню. Я провожу его и поднимусь к тебе, — шёпотом предлагает мне, указав на лестницу.

— Не стоит, — произношу в ответ. — Он пришёл из-за меня. И явно хочет со мной поговорить. Чем быстрее это произойдёт, тем быстрее он уйдёт отсюда и из нашей жизни.

— Я не оставляю тебя с ним!

— Я... я бы не хотела, чтобы ты это слышал, — поднимаю на него глаза. — Прошу...

— Ты обещала, что расскажешь мне, что между вами произошло, — напоминает и я киваю. Стоило, наверное, рассказать давно, но... я всё ещё не могу. Я множество раз репетировала этот разговор перед зеркалом, но стоит открыть рот и осознать, что я собираюсь сделать — начинается истерика. Не говорить об этом мне проще. Проще не свихнуться и не загреметь в психушку. Хотя она, наверное, по мне плачет.

— Расскажу, — клятвенно обещаю. — Расскажу, как только он покинет Германию.

— Обещаешь? - интересуется на полном серьезе. Больше отсрочки он мне не даст. Мне придется открыть рот и поведать ему все...

— Да, — киваю. — Но мне будет сложно и страшно, поэтому надеюсь, что ты поймёшь меня, если...

— Чего вы там шепчетесь? — окликает нас Дима. — Думаете, чем бы меня отравить? Не выйдет!

— Зачем ты пришёл? — спрашивает брата мой муж, сев на диван, потащив меня следом. Дима сел на тот, что напротив. — И не надо ёрничать и врать. Чётко и по факту. Не люблю тратить время на то, что не нужно ни одной, ни второй стороне.

— Навестить брата и его жену, — врёт Дима. — Как в старые добрые, ребят! Ты, я и Адель — наше вечное трио, которое, к сожалению, закончилось пьесой Шекспира.

— Хорошо, — соглашается муж и приобнимает меня за талию. — Давай как в старые добрые. Как поживаешь в Финляндии? Жена как? Бизнес? Жизнь?

— Прекрасно, — тянет он. — Молодые ещё! Развлекаемся на все сто! А вы?

— А мы, как ты видишь, счастливы в браке друг с другом, — с наигранной вежливостью отвечает Артём. — Жаль, что так поздно я узнал о том, что вы не вместе! Иначе бы мы с Адель не потеряли столько времени.

— Поверь, брат! Ты ничего не потерял! Я от многого тебя спас. Да, Адель? — обращается ко мне с сумасшедшей

улыбкой. — Детишки? Планируете детишек? Или Адель у нас пока не хочет?

— Планируем, — отвечает Тёма, а я перестаю дышать. — В самое ближайшее время. Мы тебя оповестим, если ты станешь дядей!

— Какая прекрасная новость! — восклицает Дима и я, глядя в его глаза, понимаю, почему он такой перевозбуждённый. Опять. Его боль, как и моя, тоже не прошла. И он её глушит алкоголем и не только. Дурак. — А мы с женой тоже хотим ребёнка. Ходим по детским домам, но что-то не берёт меня вся эта мелкотня. Смотрю на них и хочется сбежать... Тёма, а? Принеси бухла по-братски! Отметим долгожданную встречу братьев!

— Я тебе не бар!

— Принеси, Тём, — сжимаю руку мужа, передавая всю свою любовь и просьбу. Не только голосом и тоном, но и взглядом. — Ему, видимо, это нужно, — поворачиваю к нему голову и добавляю: — Пожалуйста.

— Адель...

— Я справлюсь. Иди! — недовольно взглянув в мою сторону, а затем и в сторону брата, Тёма встаёт и идёт в гардеробную, где у нас есть несколько бутылок спиртного. Мы его не пьём, но кто-то дарит, а мы складировем на случай неожиданных гостей. Да и на компрессы. Там всего три бутылки и мы даже ящик специальный в гардеробе под них выделили.

— Принести воды? — спрашиваю Диму, лишь бы не мол-

чать и не давать страху расползтись. Встаю и, обняв себя руками, продолжаю разговор уже стоя.

— Нет! Не хочу!

— Чай, кофе? Мы там ужинаем... - пытаюсь не молчать, потому что молчание убивает еще сильнее.

— Замолчи! — рывкает, вскочив и подлетев ко мне с явным желанием ударить. — Не притворяйся хорошей! Я знаю, какая ты на самом деле!

— Не кричи, прошу!

— А что, боишься, что он узнаёт?! - вскрикивает он, сверкая безумным взглядом. - Я пожалел Нику и Макса, не рассказав, что за дрянь я любил! Что за мразину мы приютили! Не рассказал, что ты сделала! А, наверное, жаль... Уберёг бы брата от ошибки. А ты молодец... От одного брата к другому в койку! Bravo! И скажи, кто из нас лучше?! Или тебя отныне больше интересуют деньги? Ну да... мой брат богаче, но явно глупый, раз повёлся на Адель — ночную бабочку! На мелкую дрянь с ангельскими лживыми глазами! Из малышки ты стала для меня настоящей шкурой! И для моего брата станешь, когда он узнает!

Поднимаю руку и со всей силы даю ему пощёчину, затем ещё одну. В глазах стоят слёзы обиды и злости.

Я не такая! Не такая!

Хочу чтобы он наконец это понял! Осознал! Знал, что и мне было больно тогда. И сейчас больно, но я живу. А он разрушается...

— Не смей так обо мне говорить! Я была лишь с тобой! А ты... Ты никогда не был со мной! — слова даются с трудом, но я говорю то, что не смогла высказать тогда. — Иначе бы поверил и не оставил гнить! Не устроил бы этот «суд»!

— Что здесь происходит? — вмешивается Тёма и мы с Димой оборачиваемся к нему. Моё сердце останавливается, когда вместо бутылки алкоголя в руках Темы я вижу свою старую белую сумку. — Адель, не подскажешь мне, что это? — спрашивает он и достаёт из сумочки коробку из-под таблеток.

— Ооо, брат! Я подсказать могу! Мои девки часто их пьют! Противозачаточные! — вместо меня отвечает Дима, а я теряю дар речи.

— Я знаю, что это, Дима, — говорит он брату, а смотрит на меня. — Это твоё Адель? — задаёт вопрос и, швырнув сумку, вскрывает упаковку, обнаружив, что из двадцати одной таблетки там осталось всего три не принятые таблетки.

— Моё, — отвечаю лишённая эмоций. Это конец. Он меня возненавидит.

— Интересно вы, Тёма, детей планируете! — Дима подливает масло в огонь. — Или это ты планируешь? Адель у нас детей вообще-то не хочет. С тобой она даже мягко. Завидую!

— Рот закрой! — рывкает на Диму. — Адель, ты их принимала, пока была со мной?

Секунды замедляются. Грудная клетка перестаёт ходить.

Лёгкие перестают наполняться воздухом, желая убить хозяйку недостатком кислорода. Сердце перестаёт качать кровь по этой же причине. Всё во мне хочет сейчас умереть и не дать ответить на этот вопрос.

Не дать причинить боль человеку, который меня любит и которого я сама люблю. Словно дежавю. Только в этот раз я по-настоящему люблю. И в тот раз я уже была сломана, и чтобы доломать меня до конца, просто надо ответить на вопрос Тёмы. Признаться ему и потерять его навсегда...

— Да, — выдыхаю, глядя в его глаза, в которых боли сейчас гораздо больше, чем в моих. И виновата в этом я.

Это финал! Малышки больше нет! Она умерла... Давно... И Тёма её больше не воскресит... Больше никто ей не поможет, потому что больше молчать нельзя.

Глава 9. Малышка

— Прекрасно! — хохоча, тянет Дима, а я смотрю в глаза Тёме. Жду его крика, срыва, обзывательств, обиды, презрения... Чего-нибудь. Реакции. Но он просто стоит и смотрит на меня. Без единой эмоции на лице. Пару секунд назад в них была хотя бы боль, но и она исчезла. Теперь я не знаю, что он думает. Не вижу, как он ненавидит меня. — Малышка, я знал, что ты сама облажаешься и мне даже не придётся рассказывать твоему мужу о том, что ты сделала, — тем временем продолжает Дима.

— Прости, — произношу одними губами, глядя на мужа. — Пожалуйста, — слёзы пуще прежнего начинают литься из глаз. — Я не... не... — мотаю головой, но не решаюсь подойти.

Страшно. Невыносимо страшно. Что

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.